

БОРИС БЬЕРКЕЛУНД (1893–1976)

Русский морской офицер, писатель-мемуарист

Родился в Санкт-Петербурге в семье финляндских шведов. В 1915 году окончил Морской корпус, в Первую мировую войну служил на линкоре «Петропавловск». В 1917 году, по ранению оказавшись в Петербурге, стал очевидцем февральских событий. Революции не принял, тем не менее и в Белом движении участия не принимал. В 1921 году оказался вовлечённым в финскую разведывательную сеть. Переселившись в Финляндию, получает место дипломатического курьера Финляндского МИД в Советской России, затем — место в финском Генеральном штабе. Период Второй мировой войны прожил как частное лицо. В 1945 году был арестован в своей квартире и отправлен в СССР в числе двадцати так называемых «узников Лейно» (по имени министра внутренних дел Ю. Лейно, выдавшего арестованных комиссии А. Жданова). Домой возвратился через десять лет. В 1966 году на финском языке вышла его книга о времени, проведённом в ГУЛАГе. Русский вариант воспоминаний «Путешествие в страну всевозможных невозможностей» публиковался с сокращениями газетой «Русская жизнь» (Калифорния) в 1971–1972 годах.

ВОСПОМИНАНИЯ

(Окончание. Начало см. в № 1, 2, 3, 4)

Глава VII

Город пустел. На улицах тут и там валялись павшие лошади, из которых по ночам жители вырезали куски мяса. Во многих местах были видны пятна хлористой извести, которой санитары в белых халатах и в кавалергардских белых фуражках заливали блевотину упавших на улице холерных больных. Кроме холеры свирепствовал сыпной тиф, и в саду Петропавловской больницы можно было видеть штабеля покойников, залитых известью и прикрытых брезентом. Для похорон этих людей мобилизовался так называемых «нетрудовой элемент» — представители бывшей буржуазии, чиновничества, офицерства, духовенства, лица, ещё не устроившиеся в аппарат новой власти. Они не были буржуазией, как её изображали на большевицких плакатах, то есть во фраках и цилиндрах, с бриллиантовым перстнем на мизинце, они были тем, что в старое время именовалось интеллигенцией и мещанством. Фактически это были изголодавшиеся, обобранные люди; новая власть не желала с ними считаться и проявлять к ним минимальную человечность.

Во избежание быть забранным на такие работы нужно было прикрепиться к какой-нибудь службе в советском учреждении. Учреждения эти

росли, как грибы в урожайный год, и чем больше появлялось распорядительных учреждений, тем менее становилось того, чем можно было распорядиться. На службах платили жалованье в размере возможности прожить один день в месяц, а на что жить остальные дни — каждый должен был придумывать сам. Изобретательность людей не шла дальше продажи за бесценок своего имущества. Покупатель был один — крестьянин, он вёл меновую торговлю — товар за продукты питания. Он был при этом чрезвычайно скуп, что отчасти объяснялось ненужностью для него приобретаемых вещей.

Город вымирал. Из двух с половиной миллионов жителей к началу 1919 года насчитывалось шестьсот тысяч. Опустевшие квартиры немедленно разграблялись на топливо, снималось и сжигалось всё, что можно было сжечь, полы, двери, деревянные переборки. Улицы зарастали травой, здесь и там паслись козы, а коза — это корова бедняка.

Мне нужно было найти работу, посредством которой я мог бы освободиться от «трудовой повинности». Пришлось опять идти к Мусе Песису.

Кстати, кто такой Муся Песис? Муся Песис был помощником присяжного поверенного и являлся продуктом брака крещёного еврея Песиса, известного адвоката по коммерческим делам в дореволюционном Петербурге, и дочери сибирского священника. Этот брак дал миру двух сыновей, старшего Мусю и младшего Бориса, которого революция застала в военном училище. Насколько мало симпатичны были родители, настолько милы и симпатичны были их сыновья. Старший остался в России, а младший после белой эпопеи на юге России оказался за границей. Я наткнулся на него на Итальянском бульваре Парижа в 1928 году. Оказалось, что в Париже он находился случайно, а работает в Ницце в качестве портье в гостинице «Негреско».

На мою просьбу Муся отозвался моментально. «Сейчас у меня подходящего места для тебя нет, но без службы жить нельзя, поэтому я посоветовал бы тебе сходить к инженеру Котомину. Он главный инженер Электрического Общества 1886 года и приятель Красина, который тоже был там инженером. Сейчас Красин член Совета народных комиссаров и комиссар внешней торговли. Он устроил этому Обществу подряд на разгрузку германских транспортов, приходящих из Германии с углём в Новый Порт. Я узнаю завтра подробнее, как там обстоят дела, и позвоню тебе».

На другой день вечером Песис позвонил и сказал, чтобы я с утра отправился к Котомину на квартиру для переговоров и что завтра последний день набора рабочей силы. Я понял это дело так, что мне придётся самому грузить уголь. Но я был молод, силен и к угольным погрузкам привычен ещё со времени Морского корпуса, а документ мне был до крайности нужен. На другой день я помчался к Котомину.

Большая барская квартира на Морской улице была набита народом. Публика была смешанная, но людей, в которых можно было бы предположить грузчиков, я не видел. Высокий красивый блондин, оказавшийся

инженером Общества Приваловым, си дел за столом, около которого толпились люди, и заполнял анкеты. Вся шумная и на вид бестолковая картина напомнила мне дореволюционную сходку, как она изображена на картине Репина. Супруги инженеров щёлкали на машинках, какие-то барышни с видом курсисток в пенсне с чёрными шнурками и стриженными головами передвигались в разных направлениях, кого-то о чём-то расспрашивая и что-то записывая.

Я разыскал Котомина и сказал, что меня направил сюда Песис, что я в прошлом морской офицер, с угольными погрузками хорошо знаком и что, думаю, с работой справлюсь.

Котомин ответил, что Песиса не знает, в рабочей силе нуждается, сколько будет платить — не знает, но что все участвующие в этом деле приравниваются к красноармейцам и будут получать красноармейский паёк.

— Моя жена, вот она, — закончил он, указывая на особу, принятую мною за курсистку, — занесёт вас в списки, а завтра приходите в восемь часов утра на Обводный канал около электрической станции «Гелиос»¹, там будет ждать буксир, который и доставит нас в Новый порт.

Так оно и случилось. На буксир влезло человек двадцать разнообразно одетого народа. Мы поплыли по Обводному каналу. Буксир был небольшой, сидел в воде по борт, и двадцать человек явно его перегрузили. После двадцатиминутного хода при выходе в Новый порт шкипер буксира запутался в переставленных баржах. Мы чуть-чуть не опрокинулись, так как пассажиры бросились на один борт, и мы хлебнули воды. Я отёрнул шкипера от штурвала, встал сам на его место и, почувствовав себя командующим авралом, вывел буксир из затруднительного положения.

Котомин подошёл ко мне и выразил благодарность за избавление от неприятности, которую он назвал катастрофой, и спросил меня, какую должность я рассчитываю получить на разгрузке, оговорив, что место начальника разгрузки уже занято портовым чиновником. Я рассмеялся и сказал, что рассчитывал персонально разгружать уголь, на что Котомин тоже улыбнулся и, пожав мне руку, возразил, что разгрузка будет производиться «нетрудовым элементом» г. Петрограда, набранным для этой цели в количестве шестисот человек и уже поселённым в имеющихся в порту бараках. Мне он рассчитывал устроить место помощника заведующего, так как только что имел возможность убедиться в моей распорядительности.

Я поблагодарил.

По прибытии в порт мы нашли там шесть немецких угольщиков у стены порта и шестьсот петербуржцев всех сословий и возрастов, мужчин и женщин. У них был испуганный вид, они были одеты в совершенно неподходящее платье. Заведующий разгрузкой оказался не чиновником, а ластовым штабс-капитаном² (из кондукторов), бывшим заведующим угольными складами в Кронштадте.

Нужно было начинать разгрузку, но ни мой начальник, ни я не знали, как к этому приступать, так как имели раньше дело с готовой организа-

цией, а здесь не было ни мешков, ни корзин и было очень ограниченное количество лопат.

Я отправился по порту искать необходимое и сразу натолкнулся на человека, которого мне послал Сам Господь Бог. Это был Александр Тимофеевич Мордухович, старый опытный стивидор³, работавший много лет вместе с моим отцом в стивидорной фирме его отца «Тобиас Мордухович» и знавший меня с детства. Я обрисовал ему положение.

— Я это знаю, у меня всё приготовлено, но суда поставлены не там, где мы рассчитывали. Я лично послан от порта для порядка; нам известно, что у вас все «любители». А как ты попал сюда и что делаешь?

Я рассказал ему и это.

— Я тебе помогу — идём действовать.

Мы начали действовать, чем я окончательно укрепил свою репутацию в глазах Котомина. Были притащены мешки, корзины, лопаты, и уголь стал перегружаться на баржи и шаланды.

Считая свои функции исполненными, я отправился знакомиться с капитанами. Благодаря моему знанию немецкого языка, у нас быстро наладились хорошие отношения, за которыми последовали откровенности. Оказалось, что с продовольствием у немцев обстоит более или менее удовлетворительно, но почти всё суррогаты. Хлеб — эрзац, но на вкус неплох, их повидло — на сахарине — показалось мне с голодухи замечательным. Кофе — ячменный, сливки — синтетические и т. д., в тот момент с мылом дело [было] плохо, мыло они хотели бы приобрести в любом количестве.

Тут выяснилось странное обстоятельство: в голодном и полупустом Петрограде мыла оказалось сколько угодно. Ничего нет, а мыло есть ихоршее, мирного времени, главным образом туалетное, и стоит почему-то дёшево — три рубля кусок. Немцы за него дают кило и даже полтора повидла, а за повидло в городе платят тридцать рублей за фунт. Арифметика простая, но как быть с транспортом? Александр Тимофеевич Мордухович рассмеялся, когда я ему объяснил положение.

— В моём распоряжении есть портовый буксир, — сказал он, — он три раза в день ходит в город к Николаевскому мосту, шкипер свой человек, пошли с ним завтра или послезавтра два ящика с мылом. Повидло взамен мыла оставят у меня на складе на 7-й линии, оттуда можно взять его когда угодно.

Повидлом мы «смазали» всех, вплоть до представителей ЧК. За два месяца этой операции, которая кончилась с революцией в Германии, мы с Александром Тимофеевичем неплохо заработали.

Для «штаба», как называлась наша группа руководителей, нам дали вагон-ресторан Международного общества, прикатив его в порт. В нём была кухня и можно было разогреть пищу, полагавшуюся нам из общего котла, и даже готовить жареных уток, которых наши инженеры ездили стрелять в Лигово и Стрельну через Морской канал.

«Нетрудовой элемент» трудился всюю, но с непривычки справлялся плохо. Пищу им варили хорошую и хлеба давали полтора фунта в день,

но их силы были подорваны предыдущей голодовкой. Приварок состоял главным образом из рыбного супа из судаков и сига с картошкой. Рыба приходила свежей, но, за неимением холодильников, портилась, и в один прекрасный день человек сто отравились. Произошёл скандал, но его замяли. Инженеры и десятники подобрали из среды «нетрудового элемента» хороших особ женского пола и перевели их для удобства в свои бараки на ампула конторщиц и учётчиц.

Я не ночевал в порту, а каждый вечер на буксире возвращался в город. Буксир доставлял нас на Васильевский остров, на пристань моего дяди у Николаевского моста, а оттуда нужно было идти пешком на Большой проспект Петербургской стороны почти к Каменноостровскому. Освещения не было, было темно, ночью на улицах грабили и убивали. Идти нужно было посередине улицы, так как идя по панели можно было получить удар штангой или другим тяжёлым предметом по голове. Где-то время от времени гремели выстрелы, шаги гулко раздавались в тёмной коридорной пустоте улицы. Было жутковато. Домой попадал часам к двенадцати ночи, чтобы утром в семь двинуться обратно, но в это время уже начиналась жизнь, и всё выглядело иначе. Обычно я шёл вдвоём с поэтом Анненковым⁴, который работал на погрузке десятником. Наши пути расходились около Введенской улицы, где он жил, я же продолжал путь до Лахтинской один. Мы считали самым опасным местом нашего пути дамбу Тучкова моста, где с одной стороны имели Петровский парк, а с другой — Городской питомник⁵. Улица была обсажена толстыми липами, за которыми на каждом шагу могла быть засада. Иногда мы даже слышали в этом месте какие-то посвистывания, создававшие у нас впечатление, что мы попали «в вилку», но, слава Богу, всё проходило благополучно.

Наши ночные марши продолжались до 19 ноября 1918 года, когда в Германии произошла революция⁶ и наши чекисты заставили капитанов пароходов поднять красные флаги, с которыми те и ушли в море, пообещав выкинуть их за борт, как только пройдут Кронштадт. Характерно, что за всё время наших маршей мы только один раз встретили человека, страшно нас испугавшего.

Я должен сознаться, что эти прогулки оставили у меня неприятное воспоминание на всю жизнь. Мёртвый город, темнота, гулкие шаги, которые днём почему-то не были слышны, и облегчение, которое чувствовалось, когда после часа пути я нырнул наконец в ворота нашего дома, предварительно убедившись, что около них нет засады.

Мармеладная комбинация несколько поправила наши продовольственные дела, а удостоверение Электрического общества, сохранившееся у меня, показывало, что я служу. Меня не могли забрать на принудительные работы, это давало мне некоторую передышку, и я заблокировался дома.

Роды у жены прошли благополучно, и у нас в доме появилась девочка, названная Инной. Не могу сказать, что время для увеличения семьи было удачное, но, слава Богу, у жены было много молока, что при отсутствии

обыкновенного молока облегчало положение. Также на счастье мы сумели сделать некоторые дровяные запасы и рассчитывали просуществовать с ними зиму.

Первый муж моей жены организовал химическую артель, которая по договору с Советом народного хозяйства должна была из соли, получаемой с Тентелевского завода⁷, делать соляную кислоту. Путём разных комбинаций довольно мошеннического характера от этого производства оставалось некоторое количество соли, которую наши жены в детских колясках (под видом детей) отвозили домой. Соль в то время была дороже золота; крестьяне ничего за деньги не продавали, а меняли на мануфактуру и соль. Эта артель просуществовала до весны 1919 года, когда умерла естественной смертью за отсутствием сырья на Тентелевском заводе. Но за это время мне удалось сложить в одном из пустых помещений типографии пудов пятьдесят соли, которая год спустя спасла нас от голодной смерти, так как в 1919 году соли нельзя было достать ни за какие деньги.

Глава VIII

Однажды в начале декабря часов в шесть вечера я работал в типографии, печатая программы для кинематографов. В помещение, находившееся на той же площадке лестницы, куда выходил наш чёрный ход, заскочила девочка Шура, из типографских учениц, сделавшаяся подгорничной.

— Там гости пришли, — сообщила она мне, — сидят в кабинете, барыня велела чай приготовить и вас позвать.

Я вымыл руки и пошёл домой.

В кабинете вместе с моей женой сидело четыре человека. Один, в сюртуке с погонями, представился: «Капитан Шалевич». Вторым, в офицерском кителе без погон, отрекомендовался — «Штабс-капитан Аверский». Третий, в потрёпанном френче, бриджах и высоких шнурованных сапогах, «комиссарских», как их тогда называли, и с ременной портупеей с наплечными ремнями, произнёс свою фамилию невнятно, и я её не разобрал. Когда я обернулся, чтобы поздороваться с четвёртым, одетым как офицер мирного времени, жена сказала:

— А это Володя Янушкович, друг моего детства, сын директора Введенской гимназии¹ и офицер Волынского полка.

— Очень приятно познакомиться, — сказал я, — могу предложить вам стаканчик чая. Мара, распорядись!

— Уже готово, — ответила жена.

— От чаю мы не откажемся, но мы пришли по делу и сперва поговорим о нём, — сказал Янушкович. — Как вы видите, нас здесь четверо, мы все члены офицерской антибольшевистской организации, состоящей из пятёрок. Каждый из нас возглавляет в свою очередь пятёрку и т. д. и т. д. Этой системой мы страхуем себя от провала и в то же время каждое распоряжение сверху становится [известным] всем членам организации

в кратчайший срок. Я думаю, что вы разделяете наши взгляды и надежды и примкнёте к нашей пятёрке пятым. Я полагаю, что никаких сомнений о нас у вас быть не может, Мара знает меня с детства, я же головой ручаюсь за лояльность приведённых мною товарищей. Мы все в отставке, кроме вот него, — и он мотнул головой в сторону человека в комиссарских сапогах. — Он состоит в Красной армии командиром и служит в броневых частях, что стоят в цирке «Модерн»². Итак, ваш ответ, Борис Владимирович?

Помню как сейчас, я сидел верхом на стуле и с полуулыбкой слушал обращённый ко мне призыв, делаемый в весьма категорическом тоне. Должен сказать, он мне не понравился. Во-первых, отчего они пришли ко мне вчетвером? Казалось бы, о таком деле как заговор нужно сговариваться предварительно с глазу на глаз, а не являться сразу всей «пятёркой». Далее, мне определённо не нравился господин из броневой части, личность и фамилия которого как-то ускользнула в разговоре. И наконец, мне не нравился сам Володя Янушкович, о котором, хотя я и был аборигеном Петербургской стороны и помнил его отца, ничего не слышал и не имел представления, что у моей жены, которую я знал чуть не с восьми лет, был такой друг. Кроме всех этих соображений, я не хотел впутываться в такие дела, считая их заранее безнадежными. Всё это я и изложил моим слушателям примерно в таких выражениях.

Упомянув о несолидности и ненадёжности вербовки людей столь публичным способом, я заявил, что категорически отказываюсь принять участие в каком-либо заговоре или организации. По моему глубокому убеждению, все эти заговоры беспредметны и безыдейны и ни к чему иному, как к нашей собственной гибели, привести не могут. Мы не гарантированы от провокации не только в нашей среде, но и со стороны неизвестных нам лиц, стоящих во главе этих «многочисленных», как вы сказали, пятёрок. Кроме того, я иностранец и хотел бы скорее уехать ко мне на родину в Финляндию, где рассчитываю на возможность применения моих знаний и способностей.

— Исходя из вышесказанного, как говорилось в официальных рапортах, предлагаю всем к затронутой вами теме в моём доме не возвращаться, а пить чай с вареньем (немецкое повидло). Будем просто знакомы!

Так и случилось, но не совсем. Капитан Шалевич стал большим другом нашего дома. Он был кадровым офицером Московского полка, которым командовал его отец³. Будучи неглупым, он, однако, особенно болезненно не хотел расставаться с погонами, долго и упорно носил их под шинелью, пока не попал в облаву и чуть не сел за них в тюрьму. Позже он поступил командиром на командные курсы комсостава Красной армии, находившиеся в помещении Павловского училища⁴, которое он сам кончил ещё до войны. Я вернусь к нему в моих воспоминаниях, относящихся к 1920–1921 гг. Здесь упомяну только, что позже он в качестве польского гражданина выбрался в Польшу. Дальнейшая судьба его мне неизвестна.

Штабс-капитан Аверский тоже часто бывал у нас и даже с полгода жил, после чего уехал на Украину, где сперва попал к Петлюре⁵, и по его ликвидации скрылся в Киеве; по установлении там советской власти вернулся в Петроград, где прожил некоторое время, и опять уехал в Киев, который очень ему понравился. Он исчез из поля моего зрения.

Володя Янушкович вскоре вступил в компартию и был назначен комиссаром в какую-то воинскую часть, с которой выступил против Юденича⁶. Часть была разбита белыми, и Янушкович чуть не попал в их руки. Он зашёл после этого к нам и сообщил, что получил назначение на юг, куда и уезжает немедленно, намереваясь при первом удобном случае перейти к белым. Почему он не сделал этого у Юденича, он объяснил опасением как комиссар быть расстрелянным. На какую должность он ехал на юг, мне осталось неизвестным, так же [как] и его дальнейшая судьба. У меня осталось подозрение, что Янушкович был в партии уже раньше и что вся затея с «пятёрками» была чистая провокация, а субъект в комиссарских сапогах из бронедивизиона был просто чекистом, долженствовавшим нас зафиксировать.

Этот случай ещё более утвердил меня в намерении ни во что не вмешиваться, так как при невозможности ориентироваться можно было пропасть ни за понюшку табака. Вообще в то время верить нельзя было никому. Для примера приведу такой случай.

В компании моей жены до замужества было два брата — Жорж и Славик Арсеньевы. Я с ними встречался, но знал их мало. Во время войны оба были офицерами, и Славик был убит. С Жоржем мы встретились случайно на улице в 1919 году и привели его к нам пить чай, рассказать о себе, что он слышал, что знает и что делает. Он рассказал, что его отец, бывший крупный чиновник или сенатор, умер перед самой революцией. Мать его уехала во Францию, где у них были средства, а он сам остался ликвидировать дела и затем уехать за границу через Украину и белый фронт. Конечно этот способ не совсем безопасный, но в настоящее время единственно возможный. Жил он на Каменноостровском проспекте в модном, хорошем доме в брошенной квартире его знакомых вместе с бывшим морским офицером Юрием Лапотинским⁷, с которым мы с женой тоже раньше были знакомы.

Посидев часа два, Арсеньев ушёл. Выглядел он очень импозантно. Высокий, с хорошей выправкой, красивым породистым лицом, одетый в прекрасный штатский костюм, он производил впечатление фильмового артиста.

Недели через две после этой встречи к нам неожиданно явился Юрий Лапотинский.

— Жорж рассказал мне, что был у вас, — начал он, — и это дало мне мысль тоже посетить вас и в качестве старого знакомого посоветоваться по очень неприятному для меня вопросу. Дело в том, что, переведясь из Кронштадта в Петроград, я искал квартиру и случайно встретился с Арсеньевым, который предложил мне поселиться вместе с ним. Казалось, всё сложилось очень хорошо, квартира прекрасная, жена швейцара делает уборку, готовит обед, заваривает чай и т. д., но... Я не знаю, чем занимается

Жорж. По его словам, ничем, но целый день его нет дома, и возвращается он только вечером. Меня тоже дома не бывает, я служу в Морском министерстве, так что странного в этом ничего нет и неудобного тоже. Но раз случилось следующее. Был арестован Чекой некий Шульц, и его жена попросила меня сходить на Гороховую, 2⁸ и поговорить с его следователем. Поручение довольно неприятное, но не очень рискованное, так как арестован он был по спекулятивному делу.

На Гороховой мне дали необходимые справки и проводили в камеру следователя, предложив обождать его прихода, так как он куда-то вышел. В комнате был письменный стол и два стула, на один из них я и сел. Можете себе представить моё изумление и растерянность, когда в комнату вошёл Жорж Арсеньев и прямо спросил меня, что я здесь делаю. Я объяснил ему, и Жорж сказал, что он пришёл тоже по делу Шульца, но раз я уже здесь, то ему делать нечего, и с этими словами он вышел. Я просидел ещё минут двадцать, но никакой следователь не приходил; тогда я обратился к вахтёру, сидевшему в коридоре, и осведомился, как долго мне ещё ждать. Вахтёр удивлённо сказал мне: «Разве он не был? Подождите, я сейчас узнаю». — Он позвонил куда-то по телефону и сообщил, что следователь уехал и сегодня больше не придёт. Когда я через два дня опять пришёл на Гороховую, в пропуске мне было отказано.

Всё это навело меня на мысль, что Жорж является следователем Чеки. Я побоялся высказать ему это и решил проследить его. С этой целью я вышел из дому раньше него и спрятался в подворотне. Минут через двадцать вышел Жорж, и я, дав ему удалиться на достаточное расстояние, пошёл за ним по другой стороне улицы. Так мы прошли до Большого проспекта, затем по Большому до Овчинниковских бань, в подворотню которых он свернул. Зная, что там проходной двор на Пушкарскую улицу, я дал ходу и, завернув в подворотню, столкнулся лицом к лицу с Жоржем, идущим назад.

— Ты куда? — спросил он меня.

— Я в уборную, — нашёлся я.

— Я тоже, — сказал Жорж, — но только не нашёл уборной.

Мы вместе разыскали нужное нам учреждение, и тут выяснилось, что мне в уборную не нужно. Жорж иронически посмотрел на меня и посоветовал сходить к доктору. Затем он спросил меня, куда я собираюсь теперь идти. Узнав, что в город на Михайловскую, он проводил меня до Каменноостровского и посадил в трамвай № 2. Проехав некоторое расстояние, я соскочил с него на ходу и помчался обратно, наскочив прямо на Жоржа, стоявшего на углу Большого и Каменноостровского и с явной иронией на меня смотревшего. Я впопыхах сказал, что забыл дома бумаги.

Теперь у нас натянутые отношения, осложнившиеся одним глупым случаем. Утром, когда он ушёл, я открыл ящик его письменного стола, чтобы посмотреть, что там есть, а он, видимо, тихо вернулся и, застав меня копящимся в его столе, спросил, что я ищу. Я сказал, что положил вечером на стол кое-какие бумаги, а их теперь нет, и я думаю, что уборщица убрала

их в стол. Жорж ничего мне не ответил, но на другой день сообщил мимоходом, что у него пропали деньги и что он думает — было бы полезно сменить уборщицу.

Этот рассказ он закончил вопросом:

— Что теперь делать?

— Если вы будете продолжать выслеживать его, — сказала я, — то может случиться что-нибудь ещё худшее, например Чека может заинтересоваться вашей особой, для вас дело выйдет боком. С этим учреждением шутить опасно. Я на вашем месте разъехался бы с Арсеньевым, и инцидент был бы исчерпан.

Лапотинский так и сделал. Любопытно, что года полтора спустя, если не ошибаюсь, в 1920 году я стоял на Невском около бывшего магазина «Александр». Движение было равно нулю. Вдруг из-за угла выехала чёрная машина, в которой на заднем сиденье расположились три известных мне персонажа. Средний был Арсеньев, по одну сторону сидел одноглазый начальник уголовной полиции⁹, бывший юнкер флота 2-го экипажа, где я свёл с ним знакомство, а по другую — Крежвицкий (возможно, что фамилию я за временем путаю), бывший офицер Конной артиллерии, а в настоящий момент военный комендант города и член Реввоенсовета, с которым я тоже был знаком. Я воспользовался этим обстоятельством и при случае спросил и того и другого, кто был человек, сидевший между ними в автомобиле? Оба мне ответили одно и то же, что они его не знают, фамилию не расслышали, а знакомый он был другого. Дело было явно нечисто.

Арсеньева я больше никогда не видел. Одноглазый начальник уголовной полиции в скором времени был переведён в Москву, Крежвицкий же в 1922 году фигурировал главным лицом показательного шпионского процесса польской разведки и был расстрелян.

Глава IX

1918 год сохранился в моей памяти как самый трудный, страшный и голодный.

Юг России, охваченный Гражданской войной, не мог снабжать страну углём, нефтью. Украина, сперва оккупированная немцами, а затем охваченная самостийным петлюровским движением, атаманщиной и анархистами, не давала хлеба. С отрезанного Кавказа не шла нефть. Дров тоже не было, так как в лесных районах не было рабочих рук, к тому же транспорт окончательно развалился. Предприимчивые люди, однако, делали вылазки в провинцию и в порядке товарообмена доставали у крестьян продукты и с риском для жизни привозили их в Петроград. Поездки по железной дороге были во всех отношениях опасны для жизни. В стране свирепствовал сыпной тиф, и риск заразиться им был велик. Выставленные на всех крупных железнодорожных узлах заградительные отряды грабили всех и всё то, что пассажиры пытались провезти. Однако какое-то количество

проскакивало и под угрозой ареста и расстрела продавалось из-под полы по баснословным ценам.

Положение осложнилось тем обстоятельством, что Петроград и прилегающие к нему северные губернии образовали федеративное полусамостоятельное государство «Северная Коммуна»¹. Её возглавлял некий Апфельбаум-Зиновьев-Радомысльский². Первое имя было его настоящей фамилией, второе — партийной кличкой, а третье — литературным псевдонимом. Личность эта была в высшей степени отвратительна как по виду, так и по своему существу. Апфельбаум-Зиновьев-Радомысльский был небольшого роста еврей с бабьим лицом, короткими ногами и грушеобразным висящим животом. По своим моральным качествам — кровожадный трус, проводящий диктатуру путём кровавого террора. Москва, ставшая столицей, на Северную Коммуну смотрела косо и, не будучи в силах её ликвидировать, старалась взять её измором, не пропуская туда снабжения из того, что ей доставлялось из богатых губерний средней России.

Петроград вымирал и пустел с каждым днём. Все имевшие какую-либо возможность выбирались из него. Петроград из двухполовиномиллионного города обратился в мёртвый, холодный, тёмный и голодный город с пятьюстами тысячами жителей. Жителям выдавался паёк, состоящий из 150 граммов непечённого теста с торчащей из него овсяной лузгой, ранившей слизистую оболочку рта. Иногда выдавался мороженый картофель, и за ним стояли громадные очереди. Ответственные партийные работники получали лучший паёк из устроенных для них распределителей.

Движения в городе почти не было, улицы поросли травой. По ним бродили распухшие от голода люди, умирающие от голода, холода и эпидемических болезней, сыпняка, испанки и др.

Я не говорю уже о тех, кто пал жертвами красного террора. Мне однажды пришлось быть свидетелем этого последнего. Было это так: по каким-то причинам я приехал в Кронштадт, куда в угольных баржах привозили из Петрограда людей, подлежащих уничтожению. Их грузили на пристани у Николаевского моста и на буксире тащили в Кронштадт. Там матросы верёвкой связывали обречённых друг с другом по двадцать пять человек, причём между каждыми пятью привязывалась тяжёлая балясина, из тех, что употреблялись на флоте в качестве балласта в шлюпках. Затем баржи эти вытягивались на другую сторону Кронштадта в море, двадцать пять человек выводились на борт лицом внутрь, а двадцать пять матросов выстраивались с винтовками на другом борту. Следовал залп, и люди падали в воду, увлекаемые балясинами на дно.

Я был свидетелем того, как матросы с «Гангута»³ подготавливали очередную партию обречённых к расстрелу. Мне объяснили, что за эту работу они получали экстренный паёк и какую-то сумму денег, не помню какую, но тогда показавшуюся мне незначительной.

Но несмотря на всё люди как-то жили или, вернее, пытались жить. Деревянные дома разбирались на дрова. Каждая квартира, оказавшаяся пустой,

немедленно разрушалась, и всё из дерева шло на топливо. По вечерам квартиры погружались в темноту, люди собирались в одну комнату и зажигали «коптилку» — нечто вроде лампадки, где горючим служило деревянное масло или минимальное количество керосина, доставаемого за максимальные деньги. Печей при имевшемся количестве топлива топить было нельзя, поэтому люди сооружали в квартирах печки из листового железа, окрещённые «буржуйками». В домах с паровым отоплением трубы от них выводились прямо в форточку. Для увеличения согревающей площади по комнатам прокладывались водосточные трубы, висевшие на проволоке, прикреплённой к потолку. При таких обстоятельствах жилая комната была закопчена до крайности, тепла же было недостаточно, и люди сидели одетыми.

Но хуже всего было, когда зажигался электрический свет: это означало, что в этом районе будут производиться обыски, сопровождаемые арестами. Люди испуганно жались в ожидании нежеланных гостей. У нас лично таких гостей за год с лишним перебивало около восемнадцати, но из них серьёзные, с Гороховой, 2, были только два раза, причём оба раза по доносу. На счастье всё кончилось для нас благополучно, хотя один раз пришлось пережить добавочные неприятные переживания.

Наша типография исполняла главным образом казённые заказы отделений местного Совета, Женского медицинского института⁴. Продовольственный Петроградский отдел Петрокоммуны⁵ заказывал продовольственные карточки. Кинематографы, которые были большей частью национализированы, по старой памяти заказывали билеты и программы. Частных заказчиков было мало; среди них была подозрительная компания из трёх человек, заказывавшая конвертики для сахарина, бывшего в ходу за неимением сахара, причём текст на конвертиках был немецкий. Думаю, что сахарин сильно разбавлялся содой. Эти дельцы производили на меня жульническое впечатление. Незадолго до обыска, произведенного у нас Чекой, эти субъекты обратились к моей теще с просьбой предоставить им типографию на одну ночь, за что они предлагали заплатить крупную сумму. Из дальнейших разговоров выяснилось, что они хотели отпечатать партию так называемых «керенок» стоимостью в двадцать и сорок рублей, которые даже в казённом издании производили впечатление фальшивок. Они заверяли, что у них имеются оригиналы, клише и нужная бумага, видимо украденная из Экспедиции заготовления государственных бумаг. Тёща отклонила это предложение, но приняла от них новый заказ на сахаринные конвертики. Уходя, заказчики попросили у неё разрешения оставить у нас чемодан, в котором они предполагали через пару дней унести выполненный заказ. Тёща выразила согласие, и чемодан был оставлен в конторе.

Как раз в эту ночь нагрянули с обыском. Пятеро чекистов шарили повсюду с часу ночи до шести часов утра, ничего интересующего их, по-видимому, не найдя, так как по мере приближения к концу обыска они становились вежливее. В шесть часов утра они сели в конторе писать

протокол, выразив согласие на предложение моей тёщи выпить чаю. Руководитель группы, сев к столу, оглянулся кругом, взгляд его упал на стоящий у стены чемодан.

— А это что за чемодан и что в нём? Дайте-ка сюда!

У меня «в зобу дыханье спёрло»: что, если там бумага и клише для керенок? Тогда мы пропали. Побледнела и тёща, остальные присутствующие не знали, что это за чемодан. Минуты две напряжённого молчания. Чемодан был не замкнут. Крышка легко отскочила — он был пуст, если не считать портрета Троцкого⁶! Ух! Пронесло! За чаем я спросил одного из чекистов, что собственно им было нужно.

— На вас был донос, что храните оружие, вот мы его и искали, но, видимо, донос был ложный. Если бы вы знали, сколько времени по этим ложным доносам мы зря тратим! А нельзя пренебрегать: враг хитёр и коварен.

Второй обыск был, видимо, на той же почве, хотя чекисты на этот раз не пожелали раскрыть нам его причины. Незадолго до него был издан строжайший приказ всем сдать в кратчайший срок имеющееся оружие, причём было оговорено, что сдавший не будет привлечён к ответственности, тогда как уклонившийся от сдачи понесёт наказание вплоть до расстрела. Тотчас же по выходе этого приказа ко мне явилась делегация от домового комитета бедноты и стала убеждать сдать имеющееся у меня оружие, дабы комитету не пришлось нести за меня ответственности. Я осведомился, ко всем ли жильцам дома комитет обращался с подобным воззванием, и получил ответ, что не ко всем, а только к тем, у которых подозревается наличие оружия. Тогда я рассмеялся и сказал, что за этот год у меня уже было шестнадцать обысков разного рода, не давших обыскиваемым желанного результата, поэтому я положительно не понимаю, в силу чего члены домового комитета подозревают у меня наличие какого-то арсенала. Кроме того, я не могу себе представить, для чего он мне был бы нужен. Я — иностранный подданный, жду только случая или, вернее, возможности уехать к себе на родину в Финляндию и меньше чем кто-либо интересуюсь местными делами. Я их заверил, что они могут спать спокойно, я их не подведу.

Однако кто-то из них, видимо, спать спокойно не смог, сделал донос, в результате которого был визит ко мне чекистов.

Удовольствия от этих обысков, конечно, не было, но я с интересом смотрел, кто же такие эти «чекисты», имеющие столь кровавый ореол? В обоих случаях это были рабочие и в обоих случаях, перевернув вверх ногами весь дом, они не [обратили внимания] ни на подоконники окон, скрытые портьерами, ни на то обстоятельство, что мой парадный вход не выходит на общую лестницу, а непосредственно во двор.

Возвращаясь к пайку. Выдаваемый населению паёк состоял из двухсот грамм полужирного теста с торчащей из него овсяной лузгой, ранившей дёсны и язык. Время от времени выдавалась мороженая картошка, тоже пришедшая в полужидкое состояние.

Заветной мечтой обывателя было получить место или работу, связанную с получением красноармейского пайка. Жена моя эту мечту осуществила. Она в 1915 году кончила Школу русской драмы при Александринском театре по классу Анатолия Ивановича Долинова⁷, который был вторым режиссёром театра после Карпова⁸. А.И. Долинов устроил мою жену на маленькие роли в халтурные труппы театра, игравшие по заводам и красноармейским частям. Такая деятельность награждалась красноармейским пайком, по которому выдавалось шестьсот грамм вполне съедобного хлеба, некоторое количество жиров и круп. Эта работа в зимнее время сопровождалась риском. На место спектакля артистов отвозили на грузовике, собрав их предварительно у театра. К театру же они доставлялись после спектакля на грузовике. Но от театра нужно было идти домой пешком, что по тем временам было опасно для жизни, так как на тёмных улицах бывшей столицы грабили и убивали. Обыкновенно артисты стоваривались с попутчиками и шли группами по несколько человек. Но от Кронверкского проспекта до нашего дома жена должна была идти одна, поэтому я ходил её встречать.

Во время одной такой поездки погиб известный оперный певец Тартаков⁹. Он на ухабе вывалился с грузовика и попал под колесо. Другого артиста, не помню кого именно, при возвращении домой раздели на Невском проспекте, оставив в одних кальсонах. Прибежав в таком виде в двадцатиградусный мороз на Васильевский остров, он схватил воспаление лёгких и умер.

В городе утверждали, что какие-то разбойники придумали пружинные ботинки, дающие им возможность прыгать до трёх метров в высоту, и что они используют эти прыжки для нападения на ночных прохожих, падая буквально им на голову. Ещё рассказывали, что на Песках¹⁰ родился ребёнок с копытцами вместо ступней, волосатый и с лицом Троцкого. Вообще слухов было масса, это объясняется отсутствием газетной информации. Вышедшие газеты «Известия» и «Правда» тогда с ещё меньшим правом, чем теперь, можно было назвать газетами. Это были информационные листки партии и правительства, которые сообщали об установках, приказах и достижениях, то есть о том, что они и сейчас делают, но тогда ещё сообщалось о победах на всех фронтах. Составить себе представление о происходящем было просто невозможно, так же как и отличить враньё от правды. Тогда и возникла острота, что разница между «Правдой» и «Известиями» та, что в «Известиях» нет правды, а в «Правде» нет известий.

Эту зиму я сидел дома, никуда не ходил и, пользуясь наличием свободного времени, штудировал Карла Маркса, Энгельса и то немного, что написал Ленин, пытаюсь пополнить пробелы в моём образовании. Я искренне жалею марксистов, которые должны изучать марксовский «Капитал» всерьёз. Тот экземпляр, который был у меня, был написан нудным и трудным языком. Энгельс был переведён лучше, и читать его было легче.

Ознакомившись ещё с пропагандистскими брошюрами, написанными более популярным языком для рабочих, я пришёл в замешательство.

Перспектива, ожидающая нас в случае окончательной победы марксистов и, в частности, большевиков, показалась мне ужасной. Учитывая культурный и образовательный уровень русского народа, таковое учение в русской действительности могло привести только к пугачёвщине. Мне казалось, что Маркс исходил из неверной предпосылки, что чем более индустриализована страна, тем хуже живётся рабочему классу. На практике это было совсем наоборот, а потому и все выводы его должны быть неверны. Далее, исходя из его слов, что прибавочная стоимость при всяком производстве создаётся путём отнятия от рабочего доли его труда бесплатно в пользу капиталиста, и не отрицая этого факта, я не мог понять отчего, если эту «прибавочную стоимость» будет получать государство, то рабочему это улучшит и облегчит его материальное положение. По существу система эксплуатации остаётся той же, происходит перемена хозяина; вместо капиталиста им становится государство, а последнее, в смысле эксплуатационном, будет, несомненно, более жестоким. Государство беслично и обладает неограниченным аппаратом принуждения, которого нет у частного предпринимателя, а это, несомненно, должно повести к фактическому закреплению всего народа. В данный момент в России во всех отраслях царил анархия. Но если большевикам удастся с ней справиться, то это будет своего рода «Юрьевым днём»¹¹; всё население окажется прикреплённым к местам своей службы и работы без права ухода или перехода с них, а это фактически является полным лишением всего того, что человечество в течение столетий с трудом завоевало.

Объявленная Лениным диктатура пролетариата, то есть полное и всестороннее руководство пролетариата, мне тоже казалось вздором. Ведь пролетарий, или человек ничем не обладающий, является таковым в силу природного отсутствия в нём творческого начала, так как если бы оно у него имелось, он неизбежно что-то себе создал бы и попал в число врагов, подлежащих уничтожению. Каким же образом пролетарий, у которого отсутствует созидательный талант, будет создавать новое общество в порядке диктатуры? Это окажется возможным только если пролетарий будет выполнять приказания того лица, которое возглавит диктатуру пролетариата, то есть всё выльется в диктатуру лица, в руках коего окажется всё достояние нации, которое он использует для достижения своих целей. Целью Ленина была прежде всего мировая революция.

Каким бы бараньим стадом ни была всякая нация, много людей, не желающих быть баранами, имеется в каждой. Поэтому, чтобы не только подавить, а и всё время подавлять их тенденции, потребуется громадный полицейский аппарат, снабжённый большими полномочиями. Таким образом, новое социалистическое государство окажется полицейско-бюрократическим с ударением на первом слове. Это тоже не казалось мне заманчивым.

Наконец, Маркс во всех своих утверждениях и рассуждениях исходил из данных, относящихся к высоко индустриализированным странам, тогда как Россия — страна аграрная. Чтобы обратить её насильственно в сравнительно короткий срок в страну хотя бы на шестьдесят процентов индустриальную, необходимо увеличить добавочную стоимость до максимума для образования такого капитала, который в эту индустриализацию может быть вложен. Короче говоря, эксплуатация труда станет более жёсткой, а стандарт жизни понизится до минимума. Если при частном капитализме на рынке труда существует закон конкуренции, определяющей цены на этот труд, то при социализме на труд будет неизбежно наложена государственная монополия, а всякая монополия невыгодна для населения, так как на монополизированный товар назначаются принудительные цены, как правило, невыгодные для покупателя. В отношении же рынка труда получается обратная картина: невыгодность окажется на стороне продавца своего труда.

Для постройки «нового мира» нужно разрушить «старый». В 1919 году происходило это разрушение и притом весьма интенсивно. Процесс этот, по моим тогдашним понятиям, был просто «разрухой», и только желанием оправдать происходящее можно было объяснить подведение под неё идеологической основы.

Многое и очень многое коммунистам пришлось впоследствии восстанавливать, когда они принялись не разрушать, а строить. Неисчислимое количество людей были замучены и просто физически истреблены за попытку отстоять и сохранить что-то из прошлого, что им было дорого и без чего, им казалось, не могла существовать Россия. Взять хотя бы ношение погон; для посторонних они, может быть, кажутся мелочью, но людям, носившим погоны, они дороги — это был символ, от которого им было трудно отказаться. Многие продолжали носить их под пальто и, будучи изобличены в этом, рисковали жизнью.

Все эти мысли приходили мне в голову в результате чтения марксистской литературы, но, по совести, мне было очень трудно применить все эти наспех схваченные и без предварительной подготовки почерпнутые знания к тогдашней действительности. Она не укладывалась ни в какие теории. Каждый человек ежедневно принуждён был совершать поступки, караемые новой властью. Фактически было запрещено есть, и для того чтобы выжить, нужно было нарушать это запрещение. Покупка продуктов у так называемых «мешочников» и спекулянтов строго каралась, но вместе с тем только у них и можно было достать продукты.

Моральная угнетённость не только моя, но и всего окружения была безгранична. Большинство недовольных возлагали надежды на белое движение, на интервенцию союзников и на Господа Бога, который «не попустит». Я лично надеялся только на возможность уехать из этой страны, так как белым я не верил, я был отрицательно настроен к их вожакам, мне казалось, что всё это движение безыдейно. Они толковали об Учредитель-

ном собрании, но это Учредительное собрание фактически провалилось и было позорно разогнано двумя-тремя десятками матросов.

Мне казалось, что в России решающим может быть только голос и желания крестьянства, составлявшего девяносто процентов населения, а крестьянство явно не шло за белыми. Оно боялось реставрации и потери земли, полученной ими от большевиков.

В конце концов, запутавшись во всём, я решил найти утешение в отвлечённых вопросах и погрузился в труды по космографии и астрономии. Как ни странно, это давало мне утешение, да и не мне одному.

Так прожил я зиму 1918–1919 годов. Пришедшая весна не внесла ясности в положение. Но мне понадобился новый документ о службе, так как имевшийся у меня документ от Котомина совсем больше не годился. Мы находились в блокаде, это было известно каждому дураку, поэтому никаких «германских транспортов» с углём быть не могло, так же как и «заведующего» их разгрузкой.

«Вид на жительство иностранца» больше тоже ни от чего не защищал, все иностранные посольства и представительства уехали, а «Чекушка»¹² хватала иностранцев наравне со своими и даже охотнее.

Я никогда не был антисемитом, но в 1919 году евреи положительно для всех сделались проблемой. Вырвавшись из черты оседлости¹³, они в невероятном количестве нахлынули в центры, в том числе и в Петроград, и заняли все ведущие посты.

Проповедуемый коммунистами «интернационализм» и саботаж со стороны остатков интеллигенции по отношению к новой власти помогли евреям играть крупную роль. Когда же за неуважительный отзыв о них стали арестовывать людей, сажать и даже расстреливать, то моё отношение к евреям стало меняться. Еврейство в целом стало мне казаться чем-то вроде холерной бациллы, не причиняющей вреда в здоровом организме, но бурно размножающейся в случае заболевания этого организма простым расстройством желудка.

В нормальное время не играет никакой роли, в какую сторону вы пойдёте, выйдя из дома. Во времена крупных событий это может иметь решающее значение. Вся ваша дальнейшая жизнь может измениться в зависимости от того, кого вы встретили, пойдя направо, а не налево. Так случилось со мной в марте месяце 1919 года. Я вышел из ворот дома, и моё внимание было привлечено выгоревшей от солнца витриной уже несуществующего писчебумажного магазина. В ней были прикреплены кнопками небольшие книжечки-ноты с изображением артиста или артистки, исполнявших эту вещь. Моё внимание привлекли собственно не ноты, а изображение исполнителя. Я не мог разобрать, был ли это Морфесси¹⁴? В этот момент я услышал за спиной голос:

— Здравствуй, Боря!

Я быстро обернулся, несколько изумлённый, так как «Борей» меня звали в детстве, позже все звали «Боб». Передо мной стоял Александр Тимофеевич Мордухович, для него я был «Боря».

— Как вы здесь? — удивился я. — Я был уверен, что вы с дочерью уехали в Англию.

— Собираюсь сделать это при первой возможности, но, к сожалению, я русский подданный и мне нужно ехать нелегально, а для этого у меня нет подходящего случая. То, что я должен ехать с дочерью, усиливает мою ответственность.

Между прочим, Александру Тимофеевичу удалось в 1920 году выбраться из России, через Финляндию в Англию, но при переходе через границу он отморозил пальцы на ноге, и их пришлось ампутировать.

Но возвращаюсь к нашей встрече. В кратких словах я обрисовал Александру Тимофеевичу мои затруднения и планы на будущее, на что Александр Тимофеевич, улыбаясь, сказал: «О будущем ничего сказать не могу, но, конечно, советую при первой возможности выбираться в Финляндию, а там видно будет. Относительно настоящего помочь не так трудно: приходи завтра часов в десять утра на Мытнинскую набережную. Там в третьем этаже помещается Отдел снабжения Боровичских и Шероховичских угольных копей. Спроси там Михаила Тимофеевича Мордуховича, это мой младший брат, ты его не знаешь, но мы вместе живём и сегодня вечером я с ним поговорю. На жалованье рассчитывать там нельзя, платят, как везде, на один день, да и то неполный, но бумажку получишь, а ведь это и требуется доказать».

На другой день я был по указанному адресу у Михаила Тимофеевича; тот встретил меня очень любезно и сообщил, что он всё уже устроил и что мне надо только представиться инженеру Чернявскому, что тут же и было мною выполнено.

Этот инженер прочёл мне небольшую лекцию, сводившуюся к тому, что Советская Россия находится в блокаде иностранной и отечественной, а потому Боровичские копи играют громадную роль в экономике Северной Коммуны в целом и Петрограда в частности, а потому Совет народного хозяйства Северного района из последнего старается снабдить копи всем необходимым, но это, конечно, задача не лёгкая. Мы должны находить нужное нам, где оно есть, и направлять его по назначению.

И Мордухович, и я, как и ещё многие, являемся агентами Снабженческого отдела, и в первую нашу задачу входит розыск узкоколейных рельс. Найдя таковые, мы должны определить их длину и доложить в отдел. Съёмка их и отправка будет не нашим делом. Кроме того, я должен наблюдать за демонтажем агрегатов на Электрических станциях, которые при существующих условиях в Петрограде всё равно не действуют. Сам демонтаж производится Трудовой артелью инвалидов империалистической войны, взявшей на это подряд и работающей на коммерческих условиях. Тут нужно следить за тем, чтобы всё было упаковано и ничего не пропало.

В смысле оплаты моего труда дело обстояло никак, а вот за найденные рельсы будет выплачиваться премия с километра (суммы этой я не помню, но она была довольно значительной).

От Чернявского меня провели к начальнику всей этой организации, некоему Барскому. Будучи до революции крупным промышленником, Барский вполне оправдывал свою фамилию — высокий, элегантный господин под пятьдесят и даже надушенный какими-то мужскими духами. Впечатление от него несколько портило чрезвычайно рассеянный вид, который он имел. Посмотрев на меня пустыми глазами и поправив галстук, он сказал безразличным голосом: «Ага, ну пусть работает», на чём аудиенция и кончилась. Позже я понял и его рассеянность, и безразличие — в ту же ночь Барский бежал в Финляндию. Узнал я это довольно неожиданным образом. На моей службе ко мне подошёл человек и, отрекомендовавшись Таберманом, рассказал, что с неделю тому назад он бежал в Финляндию и провёл там в карантине несколько дней, после чего финны отказали ему в визе и перекинули обратно в Россию.

Он слышал от Михаила Тимофеевича, что я финн, и потому он обращается ко мне с просьбой дать совет, как ему поступить и куда обратиться, чтобы получить визу в Финляндию. Этого я сказать не мог, так как и сам не знал. Между прочим, он рассказал мне, что когда его выводили из карантина, он встретился с только что туда прибывшим Барским, которого он знал по службе и который сообщил ему, что имеет транзитную финскую визу и едет дальше во Францию, где находится его семья.

Я был ошарашен его рассказом, искренно ему сочувствовал, представив себе все трудности и страхи, которые ему пришлось бесполезно пережить, и посоветовал ему никому не рассказывать о случившемся, дабы не попасть в ещё худшую историю.

Мне казалось, что вернуть обратно бежавшего из Совдепии равносильно тому чтобы бросить человека, выбравшегося из клетки с тигром, обратно в клетку на том основании, что у него нет входного билета в Зоологический сад.

Глава X

Служба моя в Совнархозе была более чем лёгкой. Я приходил часам к десяти утра; должен оговориться, что по постановлению Советского правительства часы были переведены на три часа вперёд, что будто бы давало экономию в освещении, так что фактически я приходил в семь часов утра. Покрутившись немного, отправлялся на Электрическую станцию «Гелиос», находившуюся на Обводном канале, где Транспортная артель инвалидов производила демонтаж агрегатов.

Не нужно было быть проницательным, чтобы сообразить, что артель эта была фиктивной: члены её сами не работали, а только наблюдали за работой. Работали же человек двадцать здоровых крючников, каким-то чудом

уцелевших в Петрограде и именовавшихся «Секцией крючников Нарвского района», состоявшей под председательством и командой некоего Марахобеля, человека неизвестной национальности и разбойничьего вида.

Артель инвалидов состояла главным образом из бывших офицеров и находилась в помещении бывшей банковской конторы Волкова на Невском проспекте. В ней было двадцать человек. Председателем и душой всего дела был присяжный поверенный Патвоканов¹, очень красивый и элегантный армянин, во время войны возглавлявший какую-то Краснокрестную организацию, связанную с Земским союзом², и предоставлявшую своим служащим, в большинстве работавшим бесплатно, освобождение от воинской повинности. Не помню её официального названия, но её заглавными буквами были ОЗУ, что давало повод острякам назвать её «Отделом Заведомо Уклоняющихся».

Делопроизводителем Артели состоял бывший прокурор Петербургской судебной палаты Репнинский³, тоже элегантный и красивый господин с чёрной ассирийской бородою. Бухгалтером был управляющий графа Фредерикса⁴, чистокровный итальянец, с фамилией что-то вроде Адариди⁵.

Артель брала подряды и передавала их Марахобелю. Я не думаю, чтобы кто-либо из членов крупно зарабатывал, и предполагаю, что большинство гналось за документами, а документы были составлены чрезвычайно умело, в особенности учитывая культурный уровень тех, кто их проверял. Они гласили приблизительно следующее: «Удостоверение. На основании приказа Совета Народных Комиссаров⁶ от такого-то числа, такого-то года, за номером таким-то, выдано настоящее удостоверение такому-то в том, что он действительно состоит членом Транспортной Артели Инвалидов, что подписью с приложением печати удостоверяется. Председатель Патвоканов, бухгалтер Адариди, председатель Месткома (Местный Комитет Служащих) Репнинский».

Предприятие было построено на людской растерянности. В то время происходило великое переселение, буржуазный элемент выселялся из своих квартир, в них вселялись рабочие. Выселяемым разрешалось взять с собой известное количество мебели и вещей, но время переезда было ограничено. Люди бросались искать перевозочные средства и вместо того, чтобы обратиться самим к ломовым извозчикам, предоставляли это Транспортной артели инвалидов, бравших с них вдвойне. Со всем этим я ознакомился позже, когда меня уговорили поступить в эту артель. Я застал артель уже на закате её деятельности, а вначале, по утверждению её участников, дела шли блестяще. Объяснялось это отсутствием рабочей силы. Достать кого-нибудь кроме принудительно работавшего «нетрудового элемента» было невозможно: все разбежались в деревни, в провинцию, с которой русский рабочий класс всех категорий и ступеней был всегда прочно связан. Вследствие этого двадцать марахобелевских грузчиков были козырным тузом артели. Секрет преданности грузчиков заключался в нежелании идти работать за незначительное вознагражде-

ние в советские учреждения, тогда как от артели они могли заработать крупную сумму путём аккордной работы.

Я состоял при отделе снабжения Боровичей, и с началом навигации мы с М. Т. Мордуховичем получили в распоряжение бывший нобелевский буксир «Казачок» и отправились разыскивать узкоколейные рельсы с расчётом получить премиальные за их находку.

Я никогда раньше не плавал по Неве и был поражён красотой её берегов. Верстах в десяти от Петрограда всё дышало нетронутостью и первобытностью. По дороге выяснилось, что разыскать требуемые рельсы не составляло труда, они имелись на всех кирпичных заводах, расположенных по Неве. Нашли их и на лесопилках. Мы тщательно вымеряли рельсы и занесли в составленные нами на сей предмет списки. Все посещённые нами места не функционировали, всё выглядело заброшенным и заросшим бурьяном.

Когда мы с Михаилом Тимофеевичем подсчитали свои барыши, то получили довольно крупная сумма, представлявшая собой пока теоретическое богатство; мы фактически никогда ничего не получали. Премииальные были обещаны Совнархозом Северного района, но требовалось ещё согласие других инстанций, а те за время нашей работы не удосужились вынести утвердительный приговор по этому делу.

Накопив теоретический капитал, мы с Михаилом Тимофеевичем решили прокатиться на «Казачке» до Шлиссельбурга и посмотреть на эту достопримечательность. Здесь с нами произошла история, напомнившая сцену из гоголевского «Ревизора». Около часа дня мы прибыли к пристани Шлиссельбурга и были встречены группой людей, радостно бросившейся нам навстречу с приветствиями. Мы растерялись от неожиданности и стали пожимать протягиваемые нам руки и выслушивать приветствия и представления. Эти люди оказались членами Шлиссельбургского совета во главе с его председателем. Нас отвели в помещение, где нам было предложено угощение виде чая с сахаром, хлеба с маслом и колбасой и ещё каких-то яств, составлявших в те времена большую роскошь. Разговоры при этом были такие бестолковые, что мы не могли определить, за кого нас принимают. Председатель произнёс небольшую и довольно неясную речь, поблагодарив нас за внимание и заботу, а Михаил Тимофеевич в ответной речи выразил благодарность за тёплый и дружеский приём и своё удовлетворение, что всё нашёл в порядке. Что он нашёл в порядке, осталось неясным, но никто не обратил на это внимания. После завтрака председатель повёз нас на плохом автомобиле показать город, в котором смотреть было нечего, до того он был незначителен и грязен. Часам к четырём Михаил Тимофеевич заторопился возвращаться, и нас отвезли обратно на пристань, где собралось довольно много народа. Тут мы забрались на наш буксир и под приветственные возгласы провожавших отвалили от пристани. Михаил Тимофеевич, одетый в английский костюм, стоял на мостике, держа над головой шляпу, я же держал руку под козырёк, что больше соответство-

вало моему костюму. Люди на берегу махали руками и шапками. К сожалению или в счастье, мы так и не узнали, за кого мы были приняты и почему нас так чествовали.

Поездки наши вскоре кончились, я опять оказался на демонтаже агрегатов. Представители артели уговорили меня поступить в их артель, говоря, что удостоверение от места работы я могу получить и от артели, но, кроме того, в случае хорошего подряда я могу что-то и заработать, тогда как моя теперешняя служба меня совсем не оплачивает. Эти доводы показались мне резонными, и я пошёл представляться Патвоканову. В результате разговора с ним я оказался членом артели, но исполнять какую-либо работу не смог, тем более что артель находилась в состоянии разложения. Зато я смог пользоваться данным мне документом и был этим доволен.

Семья моя существовала на небольшие доходы, которые давала типография, и на сделанные сбережения и запасы — в особенности выручила соль, которую не только в провинции, но и в Петрограде, было всё труднее и труднее достать. Деньги, видимо, печатались в неограниченном количестве, но приобрести на них [что-либо] было почти невозможно. Наше личное продовольственное снабжение даже несколько улучшилось, так как нам удалось связаться с мешочниками, менявшими продукты на соль. Через Совет народного хозяйства или, вернее, через Мордуховича мне удалось достать бочку керосина, и я рассчитывал, что при известной осторожности нам хватит его на зиму. Расчёт делался, конечно, не на нормальное ламповое освящение, а на так называемые «коптилки».

Лето 1919 года было очень жаркое и в самый разгар его умер дядя моей жены, брат её матери Пётр Дмитриевич Соловьёв⁷, который оставил большую семью, двух сыновей и четырёх дочерей. Старший сын, студент Университета, окончил в начале войны военное училище и вышел в Финляндский полк, где служил муж его сестры Зины, капитан Ушаков; вернувшись с фронта и демобилизовавшись, он выправил себе фальшивые документы, забрал свою жену и уехал куда-то в провинцию, попросив оставшихся забыть о его существовании. Мы никогда больше о нём не слышали. Старшая дочь Мария была замужем за офицером Новочеркасского полка, имела от него двух сыновей семи и восьми лет. Эта семья вместе с братом её мужа, тоже офицером, уехала на юг к Деникину. Там оба брата были убиты в боях, один мальчик умер от болезни, а сама Мария с оставшимся сыном эвакуировалась в Константинополь с Белой армией, а оттуда попала в Париж, где вышла замуж за француза, но была с ним несчастлива. Вторая дочь Зина была замужем за капитаном Ушаковым, выбранным солдатами после революции командиром полка. По демобилизации в 1918 году он занялся хозяйством, а Зина поступила работать в кондитерскую «Лора»; с наступлением НЭПа в 1922–1923 гг. они уехали в Омск, где, воспользовавшись НЭПом, они открыли собственное дело. Дальнейшая их судьба мне неизвестна.

Второй сын Коля остался в Петрограде, женился на певичке и мыкался, то взлетая, то падая, до 1932 года, когда судьба положила предел его жиз-

ненному пути. Две младшие девочки были в то время ещё очень молоды, и одна из них, уже после моего отъезда, вышла замуж за советского морского офицера и этим потрясла оставшуюся в наличии семью.

Смерть Петра Дмитриевича Соловьёва произошла неожиданно для семьи и всего его окружения. На вид он был весьма жизнерадостный и полный жизни господин сангвинического характера и никаких признаков болезней не проявлял. Я и сейчас не знаю причины его смерти, но, видимо, у него произошла пробка в мозгу, и в течение суток его не стало.

Всё сложилось для семьи крайне неудачно. Он умер в июле, стояла невероятная жара, покойник в течение суток разложился до неузнаваемости, труп раздуло до невероятных размеров. Нужно было торопиться с похоронами, но никак не могли достать гроба, который выдавался по ордеру местного Совета. Ордер достать удалось, а вот с гробом ничего не вышло. Мастерские говорили, что народ мрёт так интенсивно, что они не справляются с производством и необходимо ждать очереди. За дело взялся друг и однокашник покойного Цурмилен⁸. Он своими руками в течение четырёх дней соорудил гроб. Покойник за это время окончательно разложился и потёк. Семья была в ужасе, жить в квартире стало невозможно. Все разъехались, кто к нам, кто к другим родственникам.

Наступил день похорон. Мой тесть, штабс-капитан Аверский и я взяли уложить труп в гроб, но это оказалось нелёгкой задачей. На столе была положена простыня, на которой лежал покойный — полужидкая масса, расплывшаяся по столу и по полу. Мы сделали себе маски из полотенец и с невероятным трудом, ухватившись за простыню, переложили его в гроб, поставленный на пол. Назойливые мухи облепили всё кругом и в том числе нас. Мы с ног до головы перепачкались трупной жидкостью. Крышка, которую мы пытались закрыть, не закрывалась на 20 сантиметров. Общими усилиями всех присутствующих мы вытащили гроб на двор. После этого мы вступили во вторую фазу похорон — доставку гроба на кладбище. В то время это делалось так: имеющиеся наличные мужчины несли гроб, а женщины — пару табуреток. После десяти-пятнадцати шагов женщины забегали вперёд и ставили табуретки на землю. На них опускался гроб, чтобы дать передышку несущим. Несколько минут спустя церемония повторялась.

Учитывая большие расстояния до кладбищ и слабость людей от недоедания, такие процессии длились обычно пять-шесть часов. Мы справились в полтора часа, так как Соловьёвы жили на 16-й линии Васильевского острова, недалеко от Смоленского кладбища. Картина, открывшаяся нам на самом кладбище, была не менее потрясающей. Там, на главной аллее стояло около пятидесяти незакрытых гробов, облепленных мухами и издававших невероятную вонь. Вокруг них толпились люди, затыкающие нос платками и отмахивающиеся от наседающих на них мух. На счастье, на кладбище имелись могильщики, которые подхватывали гробы на плечи и несли их к могилам. Нам пришлось ожидать очереди около двух часов,

когда церемония для нас была закончена. Невыносимый запах преследовал нас ещё неделю, а всё платье пришлось сейчас же отдать в стирку.

Я специально описал этот случай так подробно, во-первых, потому, что он произвёл на меня сильное впечатление, а во-вторых, потому, что подобные переживания выпали на долю всех петроградцев, которых постигла смерть близких.

Кстати о похоронах. Мне приходит на память другая смерть и связанные с ней неприятные переживания. Это случилось поздней осенью 1919 года. Умер наш сосед Курме, о котором я упомянул в связи с его складом фанеры; я перенял его помещение в связи с моими коммерческими делами в 1917 году, но оно мне фактически не понадобилось.

Квартира Курме представляла зеркальное отражение нашей квартиры. Покойника из больницы, в которой он умер, перевезли на квартиру и уложили в кабинете на стол, поставив в ногах и в голове канделябры с хрустальными подвесками. Накануне похорон вдова покойного пригласила нас к себе на чашку чая, и мы с тестем отправились к ней часов в девять вечера. Времена были жуткие. На улицах царил темнота, за ворота не выйти, могут убить. Освещение в квартирах — «коптилки», отопление — «буржуйки». На лестницах тоже темнота, моральное состояние тяжёлое. При входе в квартиру Курме мы были приятно поражены нормальным керосино-ламповым освещением. На кухне (вход, как у нас, был через кухню) горничная хлопотала у плиты, раздувая самовар. Хозяйка провела нас сперва к умершему, потом пригласила нас в спальню, где весело потрескивая, пылала печка, перед которой сидел доктор, лечивший покойного. Мы познакомились и уселись на будuarных креслах полукругом у печки. Было уютно и тепло. Между нами и кабинетом Курме было ещё две комнаты: одна большая — столовая — и другая небольшая, служившая, видимо, шкафной; все двери туда были закрыты.

Мы стали обсуждать создавшееся положение и возможности, нас ожидавшие, как отворилась дверь в коридор и вошла горничная с большим подносом, уставленным стаканами с дымящимся чаем, вазочкой с вареньем и сухарницей с печеньем. В этот момент раздался невероятный грохот и звон разбивающегося стекла. Горничная выпустила из рук поднос и закричала:

— Барин встали!

Аналогичная мысль мелькнула и в моей голове, как, вероятно, и в головах других присутствующих, застывших в неподвижных позах на своих местах.

— Надо пойти посмотреть, — ожил первым доктор.

Мы одновременно поднялись и двинулись в соседнюю комнату. Госпожа Курме держала высоко над головой керосиновую лампу и шла непосредственно за доктором, за ней двигались мы с тестем. Шествие замыкала горничная с таким видом, что она готова сейчас же убежать прочь. Перед последней дверью, за которой лежал покойный, мы всё же на несколько секунд остановились. Доктор решительным жестом распахнул дверь.

При свете керосиновой лампы мы увидели, что там всё в порядке; господин Курме спокойно лежит где ему полагается лежать, канделябры с хрустальными подвесками, которым я приписал звон разбиваемого стекла, стоят на месте. Мы стали совещаться, что же произошло, и пошли осматривать квартиру. Вся столовая была засыпана разбитым зеркальным стеклом венецианского зеркала, которое госпоже Курме вынесла из кабинета мужа и повесила в столовой на крюк, на котором до того висела большая картина, снятая ею со стены. Она не учла того, что крюк вбит в заднюю стенку печки, так весело топившейся у неё в спальне, и что зеркало висит на верёвке, перегоревшей от раскалившегося крюка. Картина же, бывшая на этом месте ранее, висела на проволоке.

Вспоминая этот случай, я забежал вперёд и теперь принуждён вернуться назад.

С трудовой артелью получился конфуз: мне лично там ничего не удалось сделать, а сама артель тихо скончалась естественной смертью и члены её понемногу испарились. Репнинский сообщил мне, что уезжает нелегально за границу, бухгалтер получил разрешение уехать на родину в Италию, Патвоканов, ничего не сообщая, просто больше в контору не явился, инвалиды-офицеры исчезли один за другим, осталось два человека, которые приходили поболтать и уходили. Заходил туда иногда и я. Юридически артель не была ликвидирована, а потому удостоверение артели имело силу и всю зиму 1919–1920 годов, и я им пользовался.

Зима выдалась холодная, и мы страдали от отсутствия топлива. Судьба, однако, мне неожиданно улыбнулась. Среди заказчиков типографии был Женский медицинский институт, помещавшийся на Архиерейской улице⁹. Мы получали заказы через одну женщину-врача, занимавшуюся экономическими и хозяйственными вопросами института. В один прекрасный день, придя за каким-то заказом, она спросила мою тещу, продолжаю ли я работать в транспортной конторе, и если продолжаю, то у неё есть для меня крупный заказ. Тёща вызвала меня, и я услышал следующее. Институт закупил через организацию «Кооперотоп» дрова, и хотя операция казалась довольно проблематичной, дрова действительно прибыли и лежат на Растерьевских складах¹⁰, но невозможно достать перевозочные средства для доставки их в институт. Она обращается ко мне: быть может, я могу помочь их горю, которое даже не горе, а несчастье, так как им приходится закрыть институт и прекратить его деятельность. Я обещал навести справки и дать ответ. Начал с того, что отправился в пресловутую артель и ходил туда несколько раз, пока не поймал там живого человека, сообщившего мне, что артель не функционирует, но имеется аналогичная организация под названием «Тяжеловоз», помещающаяся на Казанской.

Я незамедлительно отправился по указанному адресу. На Казанской улице моё внимание привлек магазин, торговавший раньше сушёными овощами, фруктами и повидлом. Теперь в его больших витринах лежали предметы, сделанные из дерева, назначение которых было мне совер-

шенно непонятно. В одном из окон красовался плакат сообщающий, что это была выставка «Всероссийской ассоциации изобретателей». Полюбовавшись непонятными для меня изобретениями, я отправился дальше по данному мне адресу. Парадный вход был заколочен, на нём надпись: «Вход со двора». Я отправился на двор и, найдя нужную мне дверь, поднялся по вонючей лестнице на третий этаж, где увидел на дверях две небольших вывески: «Всероссийская ассоциация изобретателей» и «Тяжеловоз». Я позвонил, дверь отворила пожилая женщина, по виду кухарка, спросившая меня, что мне надо. Я объяснил причину моего визита, и старушка крикнула в квартиру:

— Антон Михайлович, к вам!

В кухню вышел господин лет сорока, в бархатном полухалате, с букетиком искусственных пармских фиалок в петличке. Я представился, господин любезно протянул мне руку и, сказав «Антипов», пожал её так, что я чуть не вскрикнул от боли.

— Прошу ко мне в кабинет.

Это была небольшая комната с персидским ковром, кушеткой, покрытой таким же ковром, и с ковром на стене. На небольшом письменном столе с лампой под зелёным абажуром стояла изящная скульптура эротического содержания. Два больших клубных кресла, обитых синим бархатом, дополняли обстановку.

— Прошу! — сказал Антипов, широким жестом указывая на одно из кресел, и сам опустился в другое. — Чем могу служить?

Я объяснил причину моего визита.

— Мы действительно занимаемся перевозками, и в последнее время мы занимаемся делами «Ассоциации», но я попробую помочь вам, у нас сохранились кое-какие связи. Я должен выяснить обстановку. Разрешите узнать ваш адрес, по телефону такие вещи не стоит обсуждать, и я через пару дней найду к вам и сообщу результаты. В какое время можно застать вас дома?

Я ответил, что почти никуда не хожу, а эти дни буду ждать его посещения в любое время дня. Через пару дней часов в одиннадцать утра Антипов явился ко мне в сопровождении господина, которого он мне представил как своего сотрудника и компаньона.

— Мне удалось устроить это дело, — радостно сказал он, опять защемляя мою руку в своих тисках, — но это будет стоить денег: перевозчик хочет двадцать тысяч рублей с подводы, «Тяжеловоз» берет десять процентов комиссионных, то есть две тысячи, итого двадцать две тысячи. Подводы большие, каждая берёт два куба, так что потребуется пятьдесят подвод. Мы привезём вам всё одним разом, о дне я вам сообщу, когда вы подтвердите заказ.

Бросился к докторше, которая, переговорив с кем-то, выразила согласие. Я выговорил себе один или два куба дров, что разрешало мой топливный вопрос на ближайшее время. Накидывать что-либо на цену я не решался, так как она была и без того высокая, а кроме того я не был

уверен в реальности всего предприятия, так как уже давно не видал в городе ни одной лошади.

В назначенный Антиповым день я отправился с утра к Женскому медицинскому институту. Был крепкий мороз. Около одиннадцати часов показалась длинная вереница саней, запряжённых здоровыми битюгами, на дугах которых красовалось большими буквами «Петрокоммуна». Это была советская организация, ведавшая продовольствием города. Очевидно, «Тяжеловоз» работал по тем же принципам, что и Артель инвалидов.

Направив один воз к себе домой, я указал остальным, где сложить дрова. Дело было сделано, и я вздохнул с облегчением. Если память мне не изменяет, докторшу звали Софья Ивановна, фамилия же её выпала из моей памяти. Рассчитываясь со мной, она рассыпалась в благодарностях, говоря, что я буквально спас их от полного краха.

Однако дело это имело некоторые неприятные последствия. Через несколько дней Софья Ивановна взволнованная явилась ко мне и попросила пройти вместе с ней на её квартиру, чтобы объяснить с её сожительницей, женщиной-врачом Шингарёвой, которая является председателем месткома и которая находит, что стоимость перевоза слишком велика. Я осведомился, является ли докторша Шингарёва родственницей члена Государственной Думы Шингарёва¹¹, расстрелянного вместе с другим членом Думы Кокошкиным¹² какими-то матросами в больнице, где оба они находились на излечении. «Да, это его сестра», — сказала Софья Ивановна. Обе женщины жили на квартире, помещавшейся в первом этаже дома по Большому проспекту по другую сторону Каменноостровского проспекта.

Дама лет сорока пяти, типичная дореволюционная общественная деятельница, встретила меня более чем нелюбезно и, назвав меня спекулянтом, стала угрожать Чекой. Я только развёл руками.

— Вот это здорово, — сказал я, — сестра министра Временного правительства, зверски убитого матросами, угрожает мне Чекой. Взявшись вам помочь по просьбе Софьи Ивановны, я действительно опасался неприятностей, которые легко могли бы случиться, если бы дело пошло криво, но я не предполагал, что неприятность грозит от лиц, которых я выручил из затруднения. Я думаю, что Софья Ивановна не вчера родилась. Обратившись ко мне и, по её словам, использовав все легальные возможности, она понимала, что выполнить её задание я мог только незаконным образом, что я фактически и сделал. Вы можете донести на меня и на людей, вам помогавшим. Но примите к сведению, что вы этим подводите под ответственность и вашу подругу. Дальнейшие объяснения я считаю излишними, делайте как вы находите лучшим.

С этим я удалился, по виду спокойный, но внутренне взволнованный. Может получиться гадость, причём я подведу и «Тяжеловоз», и неизвестных мне лиц из транспортного отдела «Петрокоммуны». На счастье всё обошлось благополучно и без последствий.

Зима 1919–1920 годов была жуткая. С наступлением [темноты на улицах] грабили и убивали [— как,] впрочем, и в квартирах, если разбойникам удавалось туда проникнуть. Милиция, теперь постоянная, сама боялась ночью выходить на улицу, а, кроме того, в большой мере состояла из преступного элемента. Мы приняли меры предосторожности. Как я уже упоминал, наш парадный ход был заделан, так же как вторые окна в тех комнатах, где было по два окна. Чёрный ход был уязвимым местом, поэтому мы подтащили к нему громадный дубовый буфет и на ночь приваливали между ним и дверью тяжёлое бревно. Кроме того, между двойными дверьми ставили жестяной котёл, а на крюк клали жестяное корыто. Такая сигнализация должна была нам помочь в случае ночного взлома. Оружия у нас не было, и мы вооружились топорами, которые держали под рукой.

Однажды ночью мы проснулись от грохота падающего на котёл корыта; схватив топоры, мы бросились в кухню. Тесть с невероятным шумом откинул бревно и открыл дверь на лестницу. Там никого не было. Осталось невыясненным, пытался ли кто-нибудь проникнуть к нам или наша сигнализация не была достаточно хорошо устроена. Если к этому прибавить ночные обыски, то легко представить себе, как тревожно мы жили. Несмотря на всё это, люди соблюдали старые традиции и заходили друг к другу «на огонёк». Такие гости часто оставались ночевать; так было как-то спокойнее.

Осенью 1919 года я пошёл после обеда пройтись с женой и неожиданно встретил на улице товарища по Корпусу Евгения Ляпидевского¹³. Я не видал его со времени окончания Морского училища, так как я, служа на дредноутах, базировался на Гельсингфорс, а он вышел на I-ю бригаду крейсеров, стоявшую в Ревеле. Он оказался в очень тяжелом моральном состоянии, его бросила жена и как-то нехорошо это сделала. Жил он где-то на чердаке на Зелениной улице и служил офицером на «Петропавловске», стоявшем в Кронштадте. Я за это время потерял контакт с товарищами по флоту, а потому очень обрадовался встрече. Видя его подавленность и поговорив с моими домашними, я пригласил Евгения жить к нам, чему он очень обрадовался и переехал ко мне в кабинет. Денег у него не было, но он внёс в дом свой красноармейский паёк, обеспечивший нас хлебом. Пять дней в неделю он жил на корабле, а на субботу и воскресенье приезжал к нам.

Его политическая установка в 1919 году была иная, чем у меня. Ему не хотелось покидать своей страны, он старался примириться с произошедшим и даже [предпринимал] попытки найти в происходящем положительное. Несмотря на расхождения, мы жили дружно и не углублялись в споры. Он одобрял моё желание уехать в Финляндию, о себе же говорил, что всегда мечтал отдаться науке, и находил, что другой возможности закончить высшее образование, как пройти Академию у себя на родине, у него нет, в дальнейшем же наука облегчит его морально, так как она аполитична.

В начале 1920 года он поступил в Артиллерийскую академию. Вскоре после этого нашёл себе новую подругу жизни и, женившись, покинул нас. Впоследствии жизнь у меня обошлась ему дорого, а именно: когда в 1946–1947 годах Чека по указанию Берии¹⁴ и Сталина принялась делать проверку тех бывших царских офицеров, которые ещё находились на советской службе, и выяснила, что Ляпидевский жил в 1919 году у меня — поставила ему это в большую вину. Он был арестован, лишён профессуры, которую имел в течение двадцати лет в Академии, судим и получил десять лет лагерей. Я же, находясь в то время в советских лагерях, был извлечён оттуда для допросов относительно связи с Ляпидевским, которым я якобы воспользовался для получения сведений шпионского характера для финского Генерального штаба. Мои показания, что в тот период я никаких связей с финским Генеральным штабом не имел и разведкой не занимался, бедному Ляпидевскому не помогли, не помогли и научные заслуги и труды.

В хрущёвские времена он был освобождён, восстановлен в правах и получил пенсию. Но остался напуганным на всю жизнь, и когда в конце пятидесятых годов его пытался навестить сын его брата, жившего в Гельсингфорсе, то он отказался от встречи, мотивируя отказ неимением родственников за границей.

О происходящем вне Совдепии, да и вообще обо всём, что делалось за границами самого Петрограда, никто из нас ничего не знал, кроме того, что сообщалось в советской прессе, а она представляла из себя кривое зеркало, тенденциозное и лживое, и исправить эту кривизну не было возможным.

Глава XI

В течение 1918 и 1919 годов никакой коммерческо-спекулятивной деятельностью я не занимался. Покончив осенью 1918 года со шляпным магазином, я сам жил и помогал теще вытаскивать наш семейный корабль на те средства, которые мне удалось отложить и сохранить от операций 1917 года. Немало помогла соль. Однако время от времени подворачивались какие-то дела, но проводить их практически было рискованно и трудно.

Не помню, от кого и откуда это исходило, возможно, что от директора «Всероссийской ассоциации изобретателей» Антипова, но в один прекрасный день я узнал, что какой-то шведский консорциум хочет купить так называемый Апраксин двор, помещавшийся на Садовой улице против Гостиного двора и покрывавший всю площадь между Пажеским Корпусом, Гороховой улицей и Екатерининским каналом. Это имущество принадлежало графине Апраксиной, богатейшей женщине дореволюционной России. Графиня была попечительницей Охтинского приюта, где моя мать была начальницей, благодаря чему я и был с ней знаком.

Графиня в дореволюционное время жила в большом, довольно мрачном особняке на Литейной улице¹, но после большевицкого переворота была выселена оттуда в другой её особняк на Сергиевской².

Апраксин двор, занимавший пару квадратных километров в центре города, представлял собой громадную ценность. Шведский концерн предлагал за это имущество два миллиона крон, из которых десять процентов должны были получить посредники. Дело это показалось мне заманчивым, и я отправился к графине в её новое помещение.

Дверь отворил старый лакей, почтительно расспросивший меня, как доложить обо мне графине. Попросив обождать, он исчез в анфиладе больших комнат с мебелью, люстрами и картинами, покрытыми чехлами. Вернувшись он сообщил мне, что «Её Сиятельство ожидают меня в кабинете», и пошёл передо мной, у каждой двери пропуская меня вперёд с почтительным поклоном, после коего опять опережал меня и вёл до следующей двери. Пройдя анфиладу холодных, нетопленых комнат, мы остановились у закрытой двери, ведущей в кабинет, которую он весьма искусно распахнул настежь. Я оказался в небольшой тёплой комнате перед маленькой и на вид незначительной старушкой, любезно протянувшей мне руку для поцелуя со словами:

— Вы, видимо, сын Валентины Ивановны, насколько я помню, ваша матушка познакомила нас, когда я была у себя в приюте на Охте. Ну, как она справляется? Трудно, я думаю, ей.

Я объяснил, что матери моей плохо, как и вообще всем, но пока ещё она справляется, так как в приюте живут дети рабочих Охтинского района и местный Совет делает всё возможное, чтобы снабжать детей и обслуживающий их персонал. Затем я объяснил ей причину моего визита.

Услышав моё предложение, графиня совершенно растерялась и сказала, что сама она решить ничего не может, что управляющий её делами³ остался где-то на Украине, всё её имущество и деньги национализированы и она должна посоветоваться со своим другом бароном Корфом⁴. Позволив лакею, она приказала просить барона прийти к ней. Через несколько минут в комнату вошёл высокий старик красивой и благородной наружности с длинной седой бородой, придававшей ему вид древнего старца. После взаимных представлений я ознакомил барона с моим предложением. Задумавшись на одну минуту, барон реагировал на мои слова приблизительно так:

— Я не стану скрывать, что наше с графиней материальное положение очень трудное. За помещение мы ничего не платим, местный Совет предоставил нам его бесплатно, но отопить этот дом совершенно невозможно. В нём амосовское отопление⁵, в день требуется вагон дров, а их, как вам известно, нет. Мы отапливаем две комнаты, в которых мы сами живём, и пару людских. Я хожу на рынок и продаю портьеры и кое-что из посуды. На это мы вдвоём с графиней могли бы кое-как просуществовать, но беда в том, что у нас восемь человек старой прислуги, которую мы считаем

своим долгом поддерживать, а это очень дорого. Я сам эстонский подданный и жду, когда между Совдепией и Эстонией будет заключён мирный договор, тогда мы с графиней уедем в Эстонию, для этой цели мы вступили с ней в брак. За границей и у меня и у неё имеются некоторые средства, на них мы сможем просуществовать то недолгое время, которое нам остаётся дожить. Ваше предложение, хотя оно и звучит заманчиво, мы принуждены отклонить, так как всё имущество графини, в том числе и Апраксин двор, — майорат⁶, и графиня не имеет права его продать.

На моё возражение, что теперь никаких майоратов нет, барон сказал, что поскольку всё это национализировано, то, конечно, майоратов нет, но лица, собирающиеся купить это имущество, рассчитывают на восстановление в России старой экономической системы, а в этом случае законы о майоратах снова восстановятся. Кроме того, если такая комбинация, как продажа громадного имущества в центре Петрограда, дойдёт до сведения советских властей, то это может повлечь большие неприятности.

На это я ничего возразить не смог, и дело кончилось ничем. Вероятно эта неудача была для меня удачей, так как вскоре я узнал о расстреле присяжного поверенного Троцкого⁷ за попытку продать дом графа Фредерикса на Невском проспекте⁸ какому-то иностранному концерну, возможно тому же, что и мой, если только этот концерн не был Гороховой, 2.

Другая комбинация, подвернувшаяся мне, была более удачной. Не помню кто предложил мне купить цибик чаю. Этот цибик весил с пуд, цена была подходящая. Такого большого количества чая для себя я не мог взять. Поэтому, купив его, я решил фунтов тридцать продать знакомым, хотя по своей цене; как назло, никто не хотел его покупать, тогда я наскочил на следующую идею. Размолот фунт чая в кофейной мельнице, я разложил его по чайной ложке в конвертики, аналогичные тем, в которых продавался сахарин. Кроме того, я добавил в каждый конвертик чуть-чуть сахара, на конвертиках же в нашей типографии напечатали следующий текст: «Сладкий чай. Способ употребления: всыпать содержимое мешочка в чайный стакан и залить крутым кипятком. Цена 1 р. 50». Я не помню взаимоотношения цен, но, кажется, я платил за фунт чая сто пятьдесят рублей, а из фунта получилось двести ложек, таким образом, я зарабатывал сто процентов. Я разнёс его для продажи в так называемые цветочные магазины, куда сдал товар по рублю, дав им полтинник заработать. Чай оказался хорошим, ароматным и в течение недели весь разошёлся, так что я удержал для себя пару фунтов.

Как ни старался я после этого достать ещё чаю для повторения комбинации, мне это больше не удалось. В сущности, я изобрёл то, что теперь известно везде и всюду: один пакет молотого чая на одну заварку. Я ограничился этими двумя попытками заработать.

Однако надо было что-то предпринимать, и я снова обратился к Мусе Песису.

— Платят везде неплохо, — сказал он мне, — но деньги ничего не стоят, а место может быть интересным только если там дают паёк, но такого места я, по крайней мере сейчас, устроить тебе не могу.

— Да! — подумав сказал он, — разве такое место, где ты сам себе можешь устроить паёк. Такое место есть в «Петротопе». У меня там приятель сидит в начальниках, его фамилия Вяземский, он студент-политехник, я с ним завтра поговорю и позвоню тебе.

— Позволь, однако, узнать, что же это за место, где я буду сам себе пайки назначать?

— Это только образное выражение. «Петротоп» — это организация, снабжающая Петроград топливом. И снабжает она только маршрутными поездами, то есть поездами, идущими вне графика. На каждый такой поезд полагается комендант, который сопровождает поезд и его проталкивает, а также наблюдает за тем, чтобы его не разокрали. Но это служебно. Практически же ты будешь иметь возможность провозить продукты, которые ты обменяешь на соль или мануфактуру, если ты таковые сможешь достать. Так что комбинация неглупая.

Я согласился и через два дня был в «Петротопе», находившимся на Морской улице. «Вяземский» не соответствовал своей княжеской фамилии, он действительно оказался студентом-политехником и при этом евреем. Он принял меня очень любезно и предложил пройти с запиской от него к некоему Пиотуху. Последний был тоже очень любезен и спросил: не анархист ли я? Я несколько растерялся от такого вопроса и сказал, что я бывший морской офицер, беспартийный и в политике разбираюсь плохо. Пиотух стал ещё любезнее и сказал, что он сам прапорщик царской армии, а спросил меня об анархизме потому, что начальник «Петротоба» Колобушкин⁹ сам анархист и большинство комендантов по его протекции тоже анархисты, большей частью приехавшие из Америки. Остальные коменданты — из рабочих петроградских заводов. Я, как человек с образованием, могу быть для них очень ценным работником; так как я беспартийный, а должность эта весьма ответственная, то мне необходимо достать рекомендацию от двух лиц, состоящих в коммунистической партии. Это меня обескуражило, так как я не знал вообще ни одного коммуниста, а тем более такого, который мог бы дать мне рекомендацию. Пиотух, видимо, заметил моё замешательство и сказал, что в рекомендации должно быть только упомянуто, что я лоялен в отношении советской власти, а это, он думает, не так трудно достать. О моих служебных способностях упоминать в рекомендации не требуется.

Я пообещал достать рекомендацию и ушёл от него уверенный, что моё дело провалилось. Однако когда я сообщил о результате моих переговоров Мусе Песису, он меня обнадежил тем, что одну рекомендацию он мне устроит без затруднения, а вторую я могу сам достать через Сонечку. Сонечка была молоденькая хорошенькая еврейка, сильно ко мне располо-

женная, брат её занимал видное партийное место. Когда я обратился к ней с просьбой, то не сомневался, что сама Сонечка даст мне какую угодно рекомендацию, если только она состоит в партии, но в отношении брата уверен не был. На практике всё оказалось много проще и, я сказал бы, легкомысленнее. Сонечка пригласила меня к себе, познакомила с братом, предварительно поговорив с ним, и после чая он попросил написать мою фамилию на бумажке, дабы верно её переписать, дал мне нужную рекомендацию. Вторая рекомендация была получена мною через Песиса, я сказал бы, ещё более фантастично.

— Пойди к коменданту города Кажевецкому (я точно не помню фамилию)¹⁰, он, кроме того что член Реввоенсовета, в прошлом гвардейский офицер, если не ошибаюсь, конной артиллерии, я с ним говорил, и он обещал дать тебе рекомендацию, — сказал мне Муся Песис и дал адрес, по которому я должен был обратиться.

Этот господин жил в чьей-то реквизированной квартире на одной из бывших фешенебельных улиц Петрограда, Сергиевской или Фурштатской. Пришёл я к нему днём и был принят очень любезно.

— Попьём чайку и познакомимся поближе, — сказал он мне и провёл в роскошную столовую, где на одном конце стола кипел самовар, стояла сахарница с чёрным и белым хлебом, масло и тонко нарезанная ветчина. Другой конец стола был заставлен грязной посудой с какими-то объедками и пустыми рюмками. — За это простите, — улыбнулся он, — живу по-холостяцки; дела много, кипим, кипим. Вот завтра едем в провинцию на специальном поезде и везём два вагона пропаганды и плакатов, только не таких, как вы думаете — долой советскую власть — нет, нет, как раз наоборот, а оттуда привезём разной снеди.

Я несколько растерялся от такого оборота речи, но Каржевицкий (так в рукописи. См. примеч. 10. — *Ред.*) весело рассмеялся и продолжал болтать о вещах, к моему визиту не относящихся. Выпив чая, он провёл меня в не менее роскошный кабинет и, сев за стол, написал на бланке Коменданта города и члена Реввоенсовета Петроградского округа буквально следующее: «Зная Бориса Вольдемаровича Бьёркелунда лично, свидетельствую, что он относился к Советской власти вполне лояльно. Подпись его была засвидетельствована комиссаром курсов красных командиров Лебедевым, с приложением печати». Авансом.

Должен сказать, что лёгкость, с которой эти люди выдали мне свои рекомендации, просто меня обескуражила. Запасшись этими рекомендациями, я отправился обратно к Пиотуху, принявшему меня как старого знакомого. Взглянув на мои рекомендации, он щёлкнул языком и сказал:

— Всё в порядке. С настоящего момента вы у нас на службе. Сейчас мы выдадим вам свидетельство, мандат вы получите перед отъездом.

Удостоверение было тут же отщёлкнута на машинке, Пиотух сам сходил за подписями. Вручив мне бумаги, Пиотух сообщил мне, что я должен

каждый день приходиться в «Петротоп» к десяти часам за инструкциями, потому что он не может точно сказать, когда я поеду в командировку, но к ней я должен быть готов в любой день. В моё распоряжение будет предоставлена теплушка. Мне надо взять с собой подушку, одеяло, побольше тёплых вещей — на две недели вперёд. Мне будет выдан красноармейский паёк, но такими вещами, как чай и прочая роскошь, я должен озаботиться сам. Путёвка моя будет выписана на Рыбинстройку. Так назывался железнодорожный путь, построенный во время войны, хотя шёл от станции Мга на Санково, расположенное на линии Бологое — Рыбинск, причём отрезок от Красного Холма до Санкова был построен ещё до войны. Путь от Мги до Красного Холма (Ярославской губернии) был протяжением 475 километров и в эксплуатацию сдан ещё не был. На одну из станций на этом отрезке я буду направлен. Там, используя мандат, который будет мне дан, я должен достать у железнодорожных властей сорок вагонов и паровозов; от местных властей должен потребовать людей для погрузки дров в эти вагоны, причём я имею право в порядке моего мандата мобилизовать «нетрудовой элемент». Чрезвычайные комиссии и железнодорожные участковые комиссии обязаны оказывать мне в этом деле «всяческое от них зависящее содействие под личной ответственностью лиц, стоящих во главе». Если мне понадобится двигаться по железной дороге, то я имею «право проезда во всех поездах, не исключая санитарных и воинских».

Прослушав всё это, я решил, что осуществление возложенной на меня задачи не представит больших затруднений, и стал с нетерпением ждать дня выезда. Он наступил через две недели. Данный мне мандат был выписан на какое-то другое лицо и подписан председателем Совета народных комиссаров Лениным, Чрезвычайным уполномоченным по топливу республики Рудаковым¹¹ и комиссаром Ломовым¹². В конце мандата было сказано, что копия настоящего мандата распространяется на коменданта маршрутных поездов «Петротоба» Бьёркелунда, Бориса Вольдемаровича, коему она выдана, и всё вместе было подписано начальником «Петротоба» Колобушкиным и парой комиссаров. Далее я получил так называемый «сухой красноармейский паёк», в который входил хлеб, некоторое количество круп, пара банок мясных консервов (тушёнка), небольшое количество сахара, масла и табака. Захватив с собой необходимое из дома плюс пол пуда соли, десятка два катушек и некоторое количество мануфактуры, я с раннего утра отправился на Николаевский вокзал (ныне Октябрьский). С помощью диспетчера я не без труда нашёл предназначенную мне теплушку и погрузился в неё. Оборудование состояло из трёх досок, железной печурки и десятков двух довольно сырых полешек. Растопить её заняло у меня добрых два часа, после чего я вышел и на путях подобрал ещё немного топлива. До самого вечера ничего не происходило и с наступлением темноты я, закрыв дверь вагона, устроил себе на досках постель и, не раздеваясь, улёгся спать, утешив себя тем, что «утро вечера мудренее».

Ночью я проснулся от толчков. Мой вагон начал кататься взад и вперёд и мне пришлось держаться двумя руками за доски, чтобы не изображать из себя мячик, кидаемый от стены к стене. Наконец толчки кончились — меня, видимо, прицепили к какому-то составу, — и ещё часа через два мы двинулись в путь. В вагоне было темно и холодно. Часа через два мы, видимо, куда-то приехали, меня отцепили и, потолкав туда и сюда, оставили где-то на запасных путях. Я не мог рассмотреть ничего, кроме товарных вагонов.

Утром, взяв чайник, я отправился на разведку и за кипятком. [От] дежурного по станции я узнал, что нахожусь на станции Мга и двинусь дальше не раньше чем через два дня, когда пойдёт поезд по Рыбинскому пути, который ходит вообще один раз в неделю. Расписания для этого поезда нет, так как дорога не принята в эксплуатацию. Станция моего назначения называется Неболчи и расположена примерно на половине пути Мга — Красный Холм; расстояние это около двухсот километров, но сколько времени продлится путешествие — неизвестно, так как паровоз будет заниматься манёврами на тех станциях, которые будет проходить. Далее, бросив на меня критический взгляд, дежурный по станции спросил: «Вы что же — за дровами?» — и на мой утвердительный ответ сказал:

— Много вашего брата туда проехало, но ни одного поезда, гружёного топливом, ещё не прошло. С Северной дороги идут, с Мурманской тоже идут, а с этой — ничего.

Меня это обескуражило. Выйдя от него, я увидел идущий к станции гружёный состав, у которого за сто шагов до станции у одного из вагонов сломалась ось, остальные на него накатились и эффектным веером во все стороны полетела метровка. Поезд остановили, со всех сторон по направлению к катастрофе побежали люди, что-то крича, несколько вагонов вырвались из строя и встали поперёк пути.

Начало было плохое. Через два дня я был прицеплен к длинному составу пассажирских и товарных вагонов и покатился к неизвестной для меня цели в неизвестные края. Дорога была просто ужасна. Качало и валяло как на море в свежую погоду. Я судорожно цеплялся за мои доски, боясь вылететь в щель полуоткрытой двери, которую после ряда эквилибристических упражнений мне удалось закрыть. На всех станциях, бывших по большей части аллегорическими, паровоз занимался манёврами, длившимися иногда по четыре-пять часов. Пути, если на них смотреть вдаль, представляли из себя волнистые линии. На вторые сутки мы отъехали восемьдесят километров, и я, совершенно выбившись из сил, пошёл к начальнику станции с вопросом, вся ли эта железная дорога находится в столь ужасном состоянии.

— А вы с которой стороны едете? — спросил он меня.

— От Мги, — ответил я.

— Тогда лучшую часть вы проехали, — невозмутимо сказал он, — дальше будет хуже.

Я упал духом. Слова начальника станции вполне подтвердились: дорога чем дальше, тем становилась хуже. Кроме того, кончилось моё продовольствие.

На пятый день я прибыл на станцию Хотцы, мой вагон отцепили и поставили на запасной путь. Поезд ушёл, кругом был лес, лес и лес. Никакого жилья кроме крохотной станции, служившей одновременно жильём её начальника, не было. Я обратился к нему с рядом вопросов. Во-первых, где места погрузок, во-вторых, кто их производит и где вагоны? Ответ был такой: мест погрузок он не знает, но в нескольких километрах от станции есть заготовки; кто их производит, он не знает. Людей для погрузки нет, нужно, вероятно, мобилизовать крестьян, но без воинской силы вряд ли это можно сделать; ближайшая деревня в пяти верстах. Вагонов, которые он мог бы предоставить, у него нет. Я спросил, где можно найти какое-либо начальство, — этого он тоже мне сказать не мог. Тогда я, взяв с собой некоторое количество соли и ниток, нашёл крестьянина с лошадьёю, приехавшего за чем-то на станцию, и уговорил его свезти меня в деревню Хотцы. Там я с большим трудом произвёл товарообмен на продукты и выяснил, что никакой помощи от местной власти я получить не могу. С большим трудом мне удалось уговорить отвезти меня обратно в обмен на соль.

Среди выменянных продуктов у меня была бутылка самогона, которую я презентовал начальнику станции. Это произвело впечатление: он сделался любезным, напоил меня чаем и рассказал, что на ряде станций сидят коменданты вроде меня, некоторые уже два месяца, и ничего сделать не могут. Тогда я попросил у него дрезину и поехал на соседнюю станцию, где действительно нашёл коменданта, сидевшего в таком же вагоне, как я, и объяснившего мне, что он не знает, что делать: нет ни вагонов ни людей. «Петротоп», послав нас сюда, видимо, не был в курсе дела, и наши «сильные» мандаты мы можем предъявить только лешему, если таковой существует.

Не буду загружать читателя изложением всех трудностей, которые открылись передо мной, — скажу только вкратце, как я из них вышел.

Я узнал от начальника станции, что положение комендантов, о которых было упомянуто, очень тяжёлое, так как они «себя съели». Это дало мне идею: я решил собрать их всех в Неболчи, вагоны использовать под погрузку, а их самих в качестве грузчиков. Здесь встретились трудности. Я съездил на ближайшие станции на дрезине, выкопал там шесть человек, а оттуда снёсся с более дальними, указав им перекантоваться с вагонами на Неболчи. Телефона по всей линии не было, а имеющиеся фонопоры¹³ (раньше никогда не слышал, что это такое) действовали только на соседнюю станцию. Трудно было достать маневровый паровоз. Но я насел на телеграф и рассыпал телеграммы по всем направлениям, требуя всего необходимого и поддержки, угрожая обвинениями в саботаже. На мои телеграммы стали поступать ответы, в том числе от железнодорожной

участковой Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, обещавшей прислать мне в помощь агента. В результате поднятой мною кутерьмы я собрал двадцать комендантов с двадцатью вагонами, тут же на станции разыскал десять вагонов, требующих ремонта, запряг в работу шесть слесарей, оказавшихся среди моих комендантов.

Между прочим, восемь из них были чехи из Америки — анархисты-синдикалисты, приехавшие в Россию строить рабочее государство. Оказалось, что в «Петротопе» их около ста человек. В дальнейшей стройке рабочего рая им не удалось принять участие, так как они были арестованы за уклоны, противоречие и за анархизм. Часть арестованных была расстреляна, другая куда-то исчезла. Но это было позже.

В течение недели мы погрузили все тридцать вагонов, я выхлопотал паровоз и мы, проплутавши три недели, привезли в Петроград состав в тридцать пять вагонов, из которых пять вагонов я захватил на станции Мга. Они были оставлены там из-за перегрева букс каким-то маршрутом, а мои слесаря починили буксы, и мы доставили их «Петротопу».

Я приехал домой, не привезя ничего себе лично, так как всё, что я выменял на свой товар, я скормил своим товарищам. Но если в этом отношении у меня была неудача, то на службе я произвёл громадный эффект, где мои сотоварищи стали рассказывать обо мне чудеса. Я был представлен самому Колобушкину. Тот очень меня расхвалил и пообещал, что я «далеко пойду» и что о моём «подвиге» он расскажет Чрезвычайному уполномоченному республики Рудакову. Вяземский был тоже очень любезен и сказал, что меня необходимо передвинуть на более крупный пост административного характера. В результате я совсем растерялся, так как никакой служебной карьеры я делать не собирался.

Пока я справлял триумф и рассказывал о своих похождениях, ко мне подошёл человек, которого я в нормальное время принял бы за юнкера Николаевского кавалерийского училища, только без погон и белой портупей и с типичным еврейским лицом. Он отрекомендовался комиссаром маршрутных поездов Кронкрепости¹⁴ Левиным.

— Я хотел ещё до вашего отъезда на Рыбинстройку поговорить с вами, а теперь я особенно заинтересован сделать это. Мне кажется, что место, на которое вы поступили, не совсем вам подходит. Третье место в теплушках, плохо оборудованных, — удовольствие маленькое, поэтому я предлагаю вам работать у нас, то есть в Кронкрепости на должности коменданта. У нас два поезда с собственными паровозами, с двумя сменами машинной команды на каждый паровоз, с двумя бригадами слесарей и с собственной военизированной охраной. Кроме того, у нас есть оборудованный для жилья «пульман» третьего класса, в коем имеется каюта или, если хотите, купе со спальными местами для нас с вами и большая кухня с настоящей плитой. Кроме того, вы будете получать краснофлотский паёк, и не только во время поездок, но всё время.

Наша база в Ораниенбауме, и в нашем распоряжении сто двухосных вагонов, отремонтированных на базе. В материальном отношении и мы имеем возможность привозить любое количество продовольствия.

Я, конечно, выразил полное согласие, но усомнился в том, что «Петротоп» отпустит меня, на что Левин сказал, что все документы выдаются нам от «Петротоба», а он снабжает начальство продуктами, главным образом, маслом, так как другое они сами имеют.

— Я уже говорил с Вяземским, и он согласился всё устроить, — добавил он.

Я рассказал всё дома, и мы решили, что учитывая настоящее положение, лучшее придумать трудно. Когда я через пару дней пришёл в «Петротоп», то был с места в карьер ошарашен Пиотухом, который поздравил меня с «высоким назначением».

— С каким это «высоким»? — удивился я.

— Вы назначены комендантом «Севэкспотопа». Чрезвычайный уполномоченный республики Рудаков распорядился по предложению Колобушкина, — сказал он мне с улыбкой.

— А что это такое и с чем его едят?

— Это Северная экспедиция по охране всех видов топлива. Видите ли, у нас происходит громадная утечка: у вагонов наших маршрутных поездов горят буксы и по требованию железнодорожных властей их приходится отцеплять по дороге и оставлять на станциях. После этого они для нас пропадают; между тем они регистрируются при погрузке как нами принятые, и мы за них платим. А они оказываются фиктивными, входя в отчётность как нам доставленные. Такая утечка доходит до двадцати пяти процентов доставки. Так вот, «Экспотоп» должен за этими вагонами следить, чтобы они доходили по ремонту по назначению. Для этой цели на целом ряде узловых станций, как, например, Дно, Бологое, Вологда, Красный Холм, создаются пункты по охране, на которые коменданты маршрутных поездов должны будут сообщать об отцепленных вагонах: где, как, сколько, — а пункты эти будут после ремонта этих вагонов составлять маршруты и отправлять в наш адрес. Эта организация военизированная и вы будете получать полный красноармейский паёк.

— Военизированная? Это мне не подходит: я иностранный подданный и освобождён от военной службы, на что имею бумагу от Морского комиссариата.

— Это в данном случае не играет никакой роли. Военизированная, — это не военная; слово относится к оплате, к пайку, а не к службе. Но думаю, что насильно вас не могут заставить принять это назначение. Пройдите на Невский проспект, дом номер такой-то, эта организация помещается там, в бывшей конторе нотариуса Козаровицкого, и переговорите с комиссаром этого учреждения.

Я так и сделал. Бывшая контора нотариуса Козаровицкого занимала весь бельэтаж дома на Невском и представляла из себя большую, грязную

и совершенно пустую квартиру. На дверях на белом картоне красовалась надпись «Севэкспотоп», но за этой надписью фактически ничего не было. Я пошёл бродить по квартире и в конце целой анфилады комнат увидел сидевшего на венском стуле за маленьким столом человека в военной гимнастёрке и с бесцветным лицом. Прямо над его головой потолок был проломлен и сквозь него на трубе водопровода висел стульчак из уборной. Вид был неожиданный и странный.

— А эта штука не свалится вам на голову? — поинтересовался я.

— Нет, я смотрел, висит прочно, — сказал он меланхолично, — а вам что?

— Меня назначили комендантом «Севэкспотопа», и я ищу комиссара этого учреждения, чтобы отказаться от этого поручения.

— А-а, — протянул он безучастно, глядя на меня тусклыми глазами, — комиссар — это я, но кроме меня здесь вообще никого нет; это дело только организуется. Кто вас назначил, не знаю, и если вы не хотите быть здесь комендантом, то и не надо. Идите туда, откуда вы пришли, и скажите, что вы мне не нужны. Да кто вас послал-то?

Я объяснил, в чём дело.

— А фамилия ваша как?

Я сказал, он дважды переспросил и, протянув мне бумажку и огрызок карандаша, предложил мне самому её написать. Я исполнил это и удалился.

— Ну что, наладили? — спросил меня Пиотух, когда я вернулся к нему.

— Да я ему не нужен. Он освободил меня, — сказал я с облегчением.

— Ну, вот и хорошо, а то здесь комиссар маршрутных поездов Кронкрепости целую бучу поднял, бегал и к Вяземскому, и к Колобушкину, требуя вас к себе. Говорит, что вы назначены к нему, и он отпустить вас не может. Да вот он и сам.

В комнату вошёл Левин и радостно приветствовал меня словами:

— Я провёл ваше назначение ко мне, завтра едем в Ораниенбаум, а послезавтра в путь.

Я поблагодарил, получил от Пиотуха документы и, вступив таким образом, в новую должность, приобщился к новой советской жизни, которую до сих пор наблюдал со стороны, из своей квартиры...

От редакции:

Дальнейшие главы повествования о революции 1917 года и последующих событиях, в которых Б. В. Бьёркелунд планировал рассказать о Кронштадтском восстании 1921 года, об аресте жены и о своём отъезде из Советской России в Финляндию, так и не были им написаны из-за болезни и кончины, последовавшей в 1976 году.

КОММЕНТАРИИ:

К главе VII

¹ Автор путает. На Обводном канале, 76 находилась электростанция, построенная в 1898 г. «Обществом электрического освещения 1886 года», тогда как первая электростанция в Санкт-Петербурге, построенная в 1897 г. немецко-бельгийско-российским обществом «Гелиос» из Кёльна, располагалась на Новгородской улице.

² Ластовый штабс-капитан — состоящий по Адмиралтейству офицер, как правило, служивший в портовом управлении и ведавший мелкими портовыми судами и плавучими средствами (баржами, матерами, катерами, плашкоутами и др. т. н. «ластовыми судами»).

³ Стивидор — подрядчик, осуществляющий контроль за портовыми работами по погрузке и разгрузке судов при морских перевозках.

⁴ *Анненков* Юрий Павлович (11. 07. 1889–12. 07. 1974). Российский график, живописец и литератор, художник театра и кино, режиссёр. В 1924 г. выехал в Париж, с 1925 г. эмигрант.

⁵ Городской питомник — зоологический сад (зоопарк), расположенный на Петербургской (ныне Петроградской) стороне Санкт-Петербурга, на бывшей территории Александровского сада. Основан как частное учреждение в 1865 г. Софией Гебгард (1813–1887). В 1918 г. национализирован. Ныне Ленинградский зоологический парк.

⁶ Речь идет о т. н. «Ноябрьской революции» 1918 г. в Германии, в результате которой были свергнуты император Вильгельм II и монархические режимы германских князей и установлена парламентская федеративная Веймарская республика.

⁷ Тентелевский химический завод был основан в 1875 г. и располагался в Санкт-Петербурге за Нарвской заставой в районе деревни Тентелевки. С 1920-х гг. носит название «Красный химик».

К главе VIII

¹ Человек по фамилии Янушкович директором 9-й Введенской классической (с 1913 г. Императора Петра Великого) гимназии (основана в 1882 г. — Большой просп. П. С., 37) никогда не был. Возможно, имеется в виду действительный статский советник Александр Евграфович Якубов, возглавлявший гимназию с 1900 по 1914 г.

² Цирк «Модерн» — деревянный цирк, основанный в 1908 г. на Петербургской стороне владельцем колбасной фабрики А. А. Маршаном. В 1917 г. в здании цирка большевики проводили свои партийные собрания. В 1918 г. за ветхостью сооружений был разобран.

³ Погибший 26 августа 1914 г. полковник (с 1916 г. посмертно генерал-майор) лейб-гвардии Московского полка Владислав Адольфович Шалевич командиром этого полка никогда не был.

⁴ Павловское (до 1894 г. 1-е) военное училище — военно-учебное заведение, в течение двухгодичного обучения готовившее пехотных офицеров для Русской Императорской армии. Создано в Санкт-Петербурге в августе 1863 г. по указу императора Александра II из специальных классов Павловского кадетского корпуса. Храмовый праздник училища — 21 мая, в день памяти Святых Равноапостольных Константина и Елены. Располагалось в бывшем здании Дворянского полка на Петербургской стороне, ул. Большая Спасская, д. 19–21 (с 1918 г. ул. Красного Курсанта, д. 21). С 1864 г. Шефом училища состоял Государь Император, с 1874 г. вторым Шефом — Наследник-Цесаревич. 25 октября 1917 г. училище было разоружено большевиками, а 6 ноября расформировано.

⁵ *Петлюра* Симон Васильевич (17. 05. 1879–26. 05. 1926). Один из лидеров украинского сепаратистского движения, с июня 1917 г. генеральный секретарь по военным делам Центральной Рады Украины. После провозглашения 11 января 1918 г. независимой Украинской народной республики (УНР) создал «Гайдамацкий кош Слободской Украины». В апреле т. г. избран главой Киевского губернского земства и Всеукраинского союза земств. Находился в открытой оппозиции к гетману П. Скоропадскому. В ноябре 1918 г. избран членом Украинской Директории и головным атаманом армии УНР. Руководил антигетманским восстанием, взял Киев. После прихода красных, с февраля 1919 г. глава Украинской

Директории. Заключил договор с маршалом Ю. Пилсудским и присоединил армию УНР к польским войскам, с которыми ненадолго вернулся в Киев. С 1920 г. в эмиграции, жил в Польше, Венгрии, Австрии, Швейцарии и Франции. Один из лидеров украинской националистической эмиграции. 25 мая 1926 г. был убит в Париже евреем С. Шварцбартом, мстившим за еврейские погромы на Украине.

⁶ *Юденич* Николай Николаевич (18. 07. 1862–05. 10. 1933), из дворян. Окончил Московское земледельческое училище, Александровское военное училище (1881) и Николаевскую академию Генерального штаба (1887). Службу начал в лейб-гвардии Литовском полку. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1907 г. окружной генерал-квартирмейстер штаба Казанского военного округа. С 1912 г. генерал-лейтенант, начальник штаба Казанского, а с 1913 г. Кавказского военного округа. С началом Первой мировой войны назначен начальником штаба Кавказской армии, с декабря 1914 г. командующий II Туркестанским армейским корпусом, разгромил турок в ходе Сарыкамышской операции. В январе 1915 г. произведён в генералы от инфантерии и назначен командующим Кавказской армией, успешно взял крепость Тавриз, занял Западную Армению, успешно провёл Евфратскую и Алашкертскую операции. В 1916 г. блестяще провёл Эрзерумскую, Трапезундскую и Эрзинджанскую операции. После Февральской революции был 3 марта назначен и. д. главнокомандующего отдельной Кавказской армией, а после образования Кавказского фронта 3 апреля назначен его главнокомандующим. В мае 1917 г. отстранён от командования «за сопротивление указаниям» Временного правительства. В ноябре 1918 г. эмигрировал в Финляндию, а затем в Эстонию. В мае 1919 г. создал «Политическое совещание», с июня 1919 г. Верховным Правителем России А. В. Колчаком назначен главнокомандующим российскими вооружёнными и морскими силами в Прибалтийском районе. В августе 1919 г. вошёл в состав Северо-Западного правительства. Несмотря на нехватку вооружения и живой силы подступил к Петрограду. В октябре — ноябре 1919 г. командующий Северо-Западной армией, с которой был вынужден отступить в Эстонию, где она была разоружена. В январе 1920 г. арестован частями генерал-майора С. Н. Булак-Булаховича, освобождён по настоянию англичан, после чего выехал в Великобританию. С 1931 г. почётный председатель Союза северо-западников. Умер на юге Франции.

⁷ *Лапотинский* Георгий (Юрий) Осипович (12. 01. 1892–?), из дворян. Сын врача Петроградского торгового порта. Выпускник Морского корпуса 1914 г. Мичман Русского Императорского флота. Служил на Черноморском, затем на Балтийском флоте.

⁸ В здании бывшего Петербургского градоначальства на Гороховой, 2 с декабря 1917 г. разместились ВЧК.

⁹ Речь идёт о начальнике Петроградского губернского уголовного розыска в 1920–1921 гг. Владимире Александровиче Кишкине (1883–08. 02. 1938), действительно имевшем один глаз. Впоследствии занимал должности: в 1921 г. зам. начальника Центроузрозыска НКВД РСФСР, в 1931 и 1933–1935 гг. начальника транспортного отдела ОГПУ — НКВД СССР, в 1931–1933 и 1935–1937 гг. заместителя наркома путей сообщения СССР. В 1937 г. был арестован по обвинению в «троцкизме», а в 1938 г. расстрелян.

К главе IX

¹ Северная Коммуна (полностью — Союз коммун Северной области) — самоуправляемое объединение Советов северных и северо-западных губерний в Советской России 1918–1919 гг. Образована на 1-м съезде Советов Северной области в Петрограде 26–29 апреля 1918 г. под руководством Председателя ЦИК и Совета комиссаров Северной области Г. Е. Зиновьева. Включала в свой состав Петроградскую, Новгородскую, Псковскую, Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую губернии; с июня 1918 г. Северодвинскую и Череповецкую (выделились из Архангельской и Вологодской губерний). С осени 1918 г. в руководстве Союза коммун Северной области усилились сепаратистские настроения, подогреваемые личными амбициями Г. Е. Зиновьева, обострились конфликты с центральной советской партийной властью. В декабре 1918 г. начался распад Союза, о выходе из него заявило руководство Вологодской губернии. С укреплением центральных органов Советской власти существование Северной

коммуны было признано нецелесообразным, после чего 3-й съезд Советов Северной области 24 февраля 1919 г. принял решение об её упразднении,

² *Зиловьев* Григорий Евсеевич (наст. имя и фам. — Радомысльский-Апфельбаум Овей-Герш Аронович; 08. 09. 1883–25. 08. 1936), сын владельца молочной фермы. Профессиональный революционер, издатель ряда нелегальных газет и журналов. С 1901 г. член РСДРП(б). С 1912 г. член ЦК партии большевиков. В 1917–1926 гг. председатель Петроградского (Ленинградского) Совета, в 1918–1919 гг. председатель ЦИК и Совета комиссаров Союза коммун Северной области, в 1919–1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна. Один из организаторов красного террора в Петрограде. Член Политбюро ЦК в 1917 и 1921–1926 гг. Участвовал в борьбе против Л. Троцкого, затем И. Сталина. В 1927–1928 гг. исключён из партии. В 1928 г. восстановлен в партии, ректор Казанского университета, член коллегии Наркомата просвещения РСФСР. В 1932–1933 гг. вновь исключён из партии, после восстановления член правления Центросоюза и редколлегии журнала «Большевик». В 1934 г. арестован, в 1936 г. расстрелян.

³ *«Гангут»* — линкор Русского Императорского флота. Участвовал в Первой мировой войне. В 1915 г. на борту корабля произошло революционное выступление матросов, подавленное командованием. С 1917 г. в составе РККФ. 12–17 марта 1918 г. совершил переход из Гельсингфорса в Кронштадт. Участвовал в Гражданской войне. В 1925 г. переименован в линкор «Октябрьская революция». Принимал участие в советско-финской и советско-германской войнах. С 1954 г. учебный корабль. В 1956 г. демонтирован.

⁴ Женский медицинский институт — высшее медицинское учебное заведение для женщин, открытое в Санкт-Петербурге на частные пожертвования в 1897 г. на основании утверждённого в 1895 г. Положения. В слушательницы принимались лица христианских вероисповеданий в возрасте 20–35 лет, получившие среднее образование и выдержавшие испытание по латинскому языку. Учебная программа была составлена применительно к программе медицинских факультетов университетов. В 1904 г. перешёл на гос. обеспечение. Давал возможность стать специалистами в области женских и детских болезней, оканчивающие могли получить звание лекаря (врача), провизора, зубного врача, аптекарского помощника, степень магистра фармации, доктора медицины. В 1918 г. преобразован в 1-й Петроградский медицинский институт (ныне Медицинский университет им. И. П. Павлова).

⁵ Петрокоммуна (полностью — Петроградская губернская потребительская коммуна) — государственная кооперативно-хозяйственная организация, занимавшаяся заготовкой, снабжением и распределением продовольствия и промышленной продукции среди населения Петрограда в условиях Гражданской войны и политики «военного коммунизма».

⁶ *Троцкий* Лев Давидович (наст. имя и фам. — Бронштейн Лейба; 25. 10. 1879–21. 08. 1940), сын еврея-арендатора. Профессиональный революционер. Член РСДРП, с 1917 г. большевик. В сентябре 1917 г. избран председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Один из организаторов массового террора и изъятия церковных ценностей. Составил оппозицию И. Сталину, за что в 1927 г. исключён из партии, в 1929 г. выслан из СССР, в 1932 г. лишён советского гражданства. Находясь в эмиграции, продолжал активную политическую и публицистическую деятельность. Был убит в Мексике агентом НКВД.

⁷ *Долинов* Анатолий Иванович (29. 09. 1869–1945), русский театральный деятель. В 1897–1919 гг. актёр, затем режиссёр Александринского театра в Санкт-Петербурге. Профессор драматических курсов Императорского театрального училища. В 1920 г. главный режиссёр и управляющий группой театра Политуправления Балтфлота. В начале 1920-х гг. эмигрировал в Берлин, работал в театре «Синяя птица», в 1923 г. основал кабаре «Золотой петушок», после его закрытия переехал в Париж, где и скончался.

⁸ *Карпов* Евтихий Павлович (07. 09. 1857–03. 01. 1926), русский театральный деятель. Работал пахарем, служил юнгой на волжском буксирном пароходе. Образование получил в Константиновском межевом институте. Член народофильских кружков, подвергался административной ссылке. С 1887 г. актёр в Ярославском театре. Автор ряда драматических произведений. В 1889–1891 гг. режиссёр спектаклей для крестьян в с. Рождествено под Петербургом, в 1892 г. для рабочих в Невском обществе устройства народных развлечений. В 1896–1900 гг. главный режиссёр, в 1916–1926 гг. режиссёр Александринского театра.

⁹ *Тартаков* Иоаким Викторович (1860–23. 01. 1923), известный русский певец-баритон. Окончил Петербургскую консерваторию в 1881 г. В 1882–1884 и 1894–1923 гг. солист, а с 1909 г. главный режиссёр Мариинского театра в Санкт-Петербурге. Заслуженный артист и главный режиссёр Императорской Русской оперы. С 1920 г. профессор Петроградской консерватории.

¹⁰ Пески — историческое название местности в центре Санкт-Петербурга, между р. Невой, Невским просп. и Лиговским просп., по обе стороны Суворовского просп., происходящее от характера грунта.

¹¹ Юрьев день — народное название православных церковных праздников, посвящённых христианскому святому великомученику Георгию (Егорию, Юрию) Победоносцу (ум. 303), празднующихся дважды в году: 23 апреля/6 мая («весенний») и 26 ноября/9 декабря («зимний»). В средневековой Руси в зимний Юрьев день происходил расчёт по денежной и натуральным повинностям крестьян. К этому же дню было приурочено право крестьян на добровольный переход от одного владельца к другому, закреплённое в Судебнике 1497 г. (неделя до и неделя после Юрьева дня). Выражение «Юрьев день» стало нарицательным, после отмены в 1592 г. данного права указом царя Феодора Иоанновича, повлекшим закрепощение большинства русского крестьянства.

¹² «Чекушка» — весьма распространённое в описываемое время ироничное название органов ВЧК.

¹³ Черта оседлости — с 1791 г. часть территории Российской империи (Бессарабская, Виленская, Волынская, Гродненская, Екатеринославская, Ковенская, Минская, Могилёвская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Херсонская, Черниговская и Киевская губернии, а также 9 губерний Варшавского генерал-губернаторства), за пределами которой запрещалось постоянное жительство евреям иудейского вероисповедания. Образовалась в связи с переходом к России после разделов Польши территорий с многочисленным еврейским населением. В Курляндской губернии, на Кавказе и в Средней Азии разрешалось проживание лишь «местных евреев». В пределах черты евреям запрещалось жительство в сёлах, а также в Киеве, Севастополе и Ялте. Исключение делалось для ремесленников, земледельцев, купцов 1-й гильдии, лиц с высшим и специальным образованием, солдат и т. п. Упразднена 20 марта/2 апреля 1917 года законом Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений».

¹⁴ *Морфесси* Юрий Спиридонович (04. 09. 1882–06. 08. 1957), из греческой семьи. Известный дореволюционный эстрадный певец, актёр оперетты и сценариста. С 1920 г. в эмиграции, где продолжил своё творчество. Умер в Париже

К главе X

¹ *Патвочанов* Александр Иванович, имел инженерное образование, поэтому до 1917 г. присяжным поверенным быть не мог. Позднее, в нач. 1930-х гг., представитель предприятия «Стадебенот» в Ленинграде.

² Земский союз, или «Всероссийский Земский союз помощи больным и раненым воинам», — общественная организация, созданная 30 июля 1914 г. на съезде уполномоченных губернских земств (в большинстве членов кадетской и октябристской партий), во главе с главноуполномоченным князем Г. Е. Львовым. Совместно с аналогичным Всероссийским союзом городов занимался главным образом помощью больным и раненым (оборудование госпиталей, санитарных поездов, пунктов питания, заготовка медикаментов, белья, обучение медицинского персонала). В дальнейшем они стали также выполнять заказы Главного интендантства на одежду и обувь для армии, организовывали помощь беженцам. Финансы Союзов складывались из правительственных субсидий, а также взносов местных организаций союзов и пожертвований. Плохо справлялся со взятыми на себя задачами, помимо общественно-благотворительной деятельности вёл политическую работу либерально-оппозиционного толка. 4/17 января 1918 г. декретом СНК главные комитеты Земского и Городского союзов (Земгор) были упразднены.

³ Видимо, Б. В. Бьёркелунд неправильно воспроизводит фамилию и речь идёт о бывшем участковом прокуроре Петроградской судебной палаты, статском советнике Константине Николаевиче Рекшинском.

⁴ *Фредерикс* Владимир Борисович (16. 11. 1838–01. 07. 1927), барон, с 1913 г. — граф. В 1897–1917 гг. министр Императорского двора и уделов, канцлер Российских Императорских и Царских орденов. С 1905 г. член Гос. Совета. Одно из самых приближённых к императорской семье лиц; сопровождал Николая II практически во всех поездках. После Февральской революции 1917 г. удалён от царя, арестован в Гомеле и доставлен в Петроград. Находился в больнице, затем был отпущен из-под ареста. После Октябрьского переворота получил право выехать в Финляндию, где и умер.

⁵ *Адариди* — вероятно, имеется в виду один из управляющих графа В. Б. Фредерикса Владимир (Вольдемар) Иванович Альбарин (Альбари), имевший итальянское происхождение.

⁶ Совет народных комиссаров (СНК) — высший правительственный исполнительный и распорядительный орган государственной власти в Советской России, созданный на II съезде Советов в октябре 1917 г. В марте 1946 г. преобразован в Совет Министров СССР.

⁷ *Соловьёв* Пётр Дмитриевич, купец, потомственный почётный гражданин. До 1918 г. домовладелец, владелец магазина обоев, маклер.

⁸ Точнее: фон Цур-Милен Константин Андреевич.

⁹ Петроградский Женский медицинский институт располагался на Архирейской ул., 6 (ныне ул. Льва Толстого).

¹⁰ Растеряевские (ныне Бадаевские) склады — комплекс деревянных складских помещений, построенный в 1914 г. купцом 1-й гильдии С. И. Растеряевым на участке, расположенном на Киевской ул. Санкт-Петербурга и примыкавшем к частной навалочной станции Николаевской железной дороги «Растеряево».

¹¹ *Шингарёв* Андрей Иванович (19. 08. 1869–07. 01. 1918). Окончил физико-математический и медицинский факультеты Московского университета. Земский врач в Воронежской губернии. Либеральный деятель. Председатель Воронежского отделения партии кадетов, с 1908 г. член её ЦК. Депутат II, III и IV Гос. думы, гласный Петроградской городской думы. Во время Февральской революции 1917 г. председатель продовольственной комиссии Временного комитета Гос. думы. Во Временном правительстве с марта по май 1917 г. министр земледелия; с мая по июль — министр финансов. Член Предпарламента. Избран в Учредительное собрание, но был арестован большевиками и заключён в Петропавловскую крепость. По ходатайству сестры переведён в Мариинскую тюремную больницу, где убит матросами и красногвардейцами.

¹² *Кокошкин* Фёдор Фёдорович (1871–07. 01. 1918). Юрист. Либеральный публицист, член ЦК партии кадетов. Депутат I Гос. думы. После Февральской революции 1917 г. государственный контролёр Временного правительства. Член Предпарламента. Избран в Учредительное собрание, но был арестован большевиками и заключён в Петропавловскую крепость, а оттуда переведён в Мариинскую тюремную больницу, где убит вместе с А. И. Шингарёвым матросами и красногвардейцами.

¹³ *Ляпидевский* Евгений Васильевич (02. 07. 1895–?). Выпускник Морского корпуса 1915 г. и Артиллерийских офицерских классов. Мичман Русского Императорского флота. В советское время капитан I ранга, преподаватель химии и артиллерийского дела в Военно-морском училище им. М. В. Фрунзе. Подвергался репрессиям.

¹⁴ *Берия* Лаврентий Павлович (17. 03. 1899–23. 12. 1953). С 1917 г. член партии большевиков. В 1938–1945 гг. нарком, в 1953 г. министр внутренних дел СССР. Один из организаторов системы ГУЛАГ и массовых политических репрессий кон. 1930-х — нач. 1950-х гг. В 1941–1953 гг. заместитель председателя Совета народных комиссаров (Совета министров) СССР. С 1941 г. член, с 1944 г. заместитель председателя Государственного комитета обороны. С 1945 г. маршал СССР. В 1934–1953 гг. член ЦК ВКП(б) — КПСС, в 1946–1953 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК. Арестован и расстрелян в ходе борьбы за власть в высшем руководстве СССР после смерти И. В. Сталина.

К главе XI

¹ Имеется в виду принадлежавший графине особняк на Литейном просп., 48.

² Указанный дом располагался по адресу: Сергиевская (с 1923 г. — Чайковского) ул., 39.

³ Речь идёт о Главном управляющем конторой графини М. Д. Апраксиной, действительном статском советнике Василии Фёдоровиче Рубахине, авторе книги: Графы Апраксины и их петербургская вотчина (СПб., 1912).

⁴ Автор путает фамилию: речь идёт о бароне Алексее Густавовиче Кнорринге (20. 04. 1848–18. 01. 1922), тайном советнике, гофмейстере Двора. В 1919 или 1920 г. в Петрограде он вступил в брак с графиней М. Д. Апраксиной, после чего им удалось благополучно покинуть Советскую Россию и выехать в Европу. Барон скончался в Висбадене, графиня в Париже.

⁵ Амосовское отопление — запатентованная в 1835 г. русским инженером Н. А. Амосовым система воздушного отопления. Основана на работе двухкамерной печи, состоявшей из топки и железных труб-газоходов, которые нагревали поступающий в них уличный воздух и распространяли его по специальным каналам, проложенным в стенах здания. Амосовские печи были распространены в большинстве фешенебельных жилых и административных зданий Санкт-Петербурга и просуществовали до повсеместного появления в 1930-х гг. централизованного отопления.

⁶ Майорат — система наследования недвижимого имущества по принципу первородства (как правило, мужского) в семье или роде. В России впервые введён в 1714 г. царём Петром I для русских дворянских родов (упразднён в 1731 г.). В 1845 г. был введён институт «заповедных имений», наследуемых по праву майората. После Октябрьского переворота 1917 г. «Декретом о земле» большевики объявили об упразднении права майората.

⁷ Вероятно, речь идёт о петроградском присяжном поверенном и присяжном стряпчем Михаиле Натановиче Троцком.

⁸ Из 12 домов в Петрограде, принадлежавших до 1917 г. графу В. Б. Фредериксу, ни один не был расположен на Невском просп. Скорее всего, имеется в виду дом на Лиговской ул. (ныне просп.), 10.

⁹ *Колобушкин (Калабушкин)* Павел Николаевич (1885–?). Анархист-коммунист. До 1917 г., как участник революционных беспорядков, неоднократно арестовывался и осуждался. Жил за границей. В 1919 г. начальник Петроградского топливного комитета.

¹⁰ Автор трижды упоминает данное лицо, при этом каждый раз под разными фамилиями (Кажевицкий, Крежицкий и Каржевицкий) и оговариваясь, что он может ошибаться в её воспроизведении. Скорее всего, речь идёт о коменданте Петрограда в 1917–1922 гг. А. Я. Клявс-Клявине, хотя должность коменданта в первые послереволюционные годы была довольно популярна у большевиков и помимо коменданта города имелись также комендант революционной охраны Петрограда, комендант Петроградского укрепрайона и др.

¹¹ *Рудаков* Иван Григорьевич (1883–1937). С 1905 г. большевик. После Октябрьского переворота 1917 г. член Президиума ВСНХ РСФСР, чрезвычайный уполномоченный по топливному снабжению Совета труда и обороны. В 1919 г. член Совета СНХ Северного района. В 1920 г. начальник Петроградского областного топливного комитета. Впоследствии член ЦИК СССР, нарком лесной промышленности Белорусской ССР. Репрессирован.

¹² *Ломов А.* (наст. имя и фам. — Оппоков Георгий Ипполитович; 28. 01. 1888 – 02. 09. 1937). Окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1903 г. член РСДРП(б). После Февральской революции 1917 г. член Московского областного бюро и Московского комитета РСДРП(б), заместитель председателя Московского Совета. В 1917–1919 гг. кандидат в члены ЦК партии большевиков. В октябре — ноябре 1917 г. нарком юстиции. В 1918–1921 гг. член Президиума и заместитель председателя ВСНХ РСФСР, руководил топливным снабжением. В 1934–1937 гг. член бюро Комиссии советского контроля. В 1937 г. арестован и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

¹³ Фонопор — переносное устройство, позволявшее вести телефонные переговоры не по выделенным телефонным линиям, а по телеграфным проводам.

¹⁴ Кронкрепость — сокращённое название Кронштадтской крепости.

Публикация и комментарии С. Манькова